

Борис ПОНОМАРЕВ

Борис Пономарев родился в 1988 году в Калининграде. В 2018 году окончил Санкт-Петербургский институт культуры и искусств. Публиковался в журналах «Химия и жизнь», «Нева», «Знамя». Участник форумов молодых писателей России. Романы «Красный мак» («Плюсквамфутурум»), «Тринадцать месяцев» и «Дорога через ночь» входили в короткие списки литературной премии «Лицей» (2019, 2020, 2022).

СЛАВА НАСТЕННЫХ МОЗАИК

Повесть

Понедельник I

Гигахрущ бесконечен, что само по себе может показаться совмещением несочетаемых слов. Тесны его сложенные из бетонных плит стены, жилищечки, распределительные узлы и производственные цеха – но нет пределов у хаотично расходящихся вдаль коридоров, лестниц, лифтовых шахт и коммуникационных колодцев. Возможно, он представляет собой некое подобие гигантской фрактальной бутылки Клейна, внешняя поверхность которой плавно переходит во внутреннюю, как бы замыкаясь на саму себя. Эта легенда больше всего популярна в закрытых НИИ и КБ, работники которых в свободную минуту задумываются о законах бытия. Люди попросту предпочитают считать, что Гигахрущ просто безмерно велик, как, к примеру, было бы велико здание, покрывающее собой всю поверхность планеты. В обоих случаях бесстрашный путешественник теоретически может, двигаясь в одном направлении, обойти весь Гигахрущ и вернуться в ту же точку, откуда он когда-то давно отправился в свой вояж. Однако в действительности это будет крайне проблематично: уже упомянутый хаос из коридоров, лестниц и лифтовых шахт ни в коей мере не позволит продвигаться по прямой, и, возможно, отважный исследователь будет всю жизнь ходить кругами – если говорить точнее, то чрезвычайно прихотливыми многоугольниками. Но скорее всего, такой путник будет остановлен на первом же контрольно-пропускном посту. Говорят (хотя, разумеется, никаких подтверждений этому нет), что даже ликвидаторы не вправе передвигаться свободно по всем коридорам Гигахруща – если, конечно же, есть хоть одно действие, которое эти хорошо вооружённые люди не вправе совершать.

В противоположность гигантскому, принципиально непознаваемому Гигахрущу крошечная диспетчерская «теплицы», а точнее, станции культивирования корнеплодно-овощных культур ЗЕА-61, с точки зрения стороннего наблюдателя является идеальным образцом мироздания: в ней нет ничего, что можно было бы оттуда убрать, и нет ничего, что туда можно было бы добавить. Первый угол занят стеллажом с садовым инвентарём. Во втором углу, сбоку от стеллажа, располагается стол диспетчера, заставленный всё тем же садовым инвентарём – разве что имеется место для эмалированной кружки растворимого синтетического чая. Третий угол вмещает в себя не очень удобный стул с клеёночато обивкой; сбоку, в квадратной нише стены наклеен декоративный плакат, создающий иллюзию окна. Четвёртый же угол, соседствующий с раздвижной дверью, предназначен для того, чтобы диспетчер мог выбрать нужное действие из трёх: закрыть дверь, повернуться к стеллажу или же разместиться на стуле. Возможно, это действительно идеальный отдельно взятый микрокосм в бесконечной вселенной Гигахруща.

Понедельник II

Зелёные индикаторы часов ещё показывали две минуты до окончания рабочего дня, когда Никита покинул диспетчерскую и направился через теплицу к выходу. Яркое пурпурное сияние светодиодных лент кажется приятным только первые пятнадцать минут, но потом оно всё-таки утомляет зрение, поэтому Никита шёл чуть прищурившись. Выйдя в коридор, он закрыл большую железную гермодверь теплицы на два оборота бороздчатого ключа и только потом поймал себя на мысли, что сейчас ему хочется вообще закрыть глаза.

Это было объяснимо: мироздание, начинавшееся за пределами теплицы ЗЕА-61, показалось бы неуютным даже самому неприспособленному человеку. Одежда Никиты, отсыревшая во влажном помещении, внезапно повисла липким грузом на плечах. Холодил свет тусклых коридорных ламп. Бетонные, крашенные такой же лебяжьи-голубой краской стены выглядели голыми после тепличных полок с зелёной растительностью. Мелкие коричневые плитки пола за день уже успели затоптать: отпечатки подошв пересекались друг с другом, превращаясь в странный, немного гипнотизирующий рисунок. Вдалеке в коридоре виднелись спины удаляющихся рабочих металлопрокатного цеха. После них хвостом тянулся тяжёлый запах пота и этанольного перегара. Впрочем, осудить их за это имел право лишь человек, тоже отработавший полную смену на тяжёлом, вредном для здоровья производстве; Никита же трудился в более комфортных условиях.

– Добрый вечер, – поздоровался он с мужчиной, одетым в потёртый серый комбинезон.

– Добрый вечер, – столь же вежливо откликнулся мужчина. У него была мягкая, дружелюбная манера речи, нечасто встречающаяся в коридорах Гигахруща.

Каждый раз, тотчас по окончании рабочего дня, они встречались именно здесь, в той части коридора, где из бетонного пола к бетонному потолку поднимались шесть массивных чугунных водопроводных труб. Это происходило аккуратно в ту минуту, когда рабочие-металлисты уже скрывались вдалеке за поворотом. В этой нехитрой стабильности событий было что-то приятное, успокаивающее душу и вселяющее хотя бы какую-то уверенность в завтрашнем дне. Никита не знал даже имени своего таинственного визави – лишь однажды, выйдя с работы на пару минут раньше, он увидел, как тот закрывает дверь блока, помеченного литерами ЗАС-22. Кажется, там скрывался один из узлов телефонно-телеграфной связи. Это объясняло как интеллигентный вид мужчины в комбинезоне, так и ту скорость, с которой тот захлопнул массивную дверь. Тогда Никита демонстративно отвернулся, показывая, что вовсе не желает лезть в чужие секреты. А ну как за чрезмерное любопытство уведут с собой ликвидаторы?

– Каждый раз, когда иду здесь, – начал разговор связист в комбинезоне, – задаюсь вопросом. Древние создали Гигахрущ и украсили его стены этими гениальными мозаиками. Почему же мы не в силах сделать что-то подобное?

Никита взгляделся в настенную мозаику, мимо которой они неторопливо шагали – всё равно сейчас все возвращаются в лифтах с работы, и спешить особо некуда. Улыбающийся рабочий, созданный из маленьких кусочков цветного кафеля, заливал бетон в опалубку. Когда-то давно сверху помещалась надпись «СЛАВА ТРУДУ», созданная из таких же обломков, но потом первое слово сбили из цензурных соображений. Оставшаяся часть лозунга теперь казалась какой-то самой неприятельной пятибуквенной аббревиатурой, предназначенной для обозначения разве что энергораспределительных щитков.

– Может быть, потому, – осторожно ответил Никита своему шапочно знакомому собеседнику, – что Древние уже это сделали за нас?

Связист всплеснул руками.

– Нет, нет, – негромко, но с жаром возразил он. – Я имею в виду – почему наше общество настолько деградировало? Почему мы не можем воплотить в жизнь тот совершенный мир, что находится в шаге от нас на стенах Гигахруща?

Никита пожал плечами. Их разговор уже начал опасно приближаться к красной черте, и в иных условиях можно было бы предположить провокацию. Но, с другой стороны, зачем нужно устраивать какую-то провокацию там, где любого и так могут расстрелять на месте?

– Может быть, потому, что нам не дают построить? – как бы вскользь произнёс он. Мужчина в комбинезоне, по всей видимости, не понял подтекста.

– Да бросьте, – ответил он. – Кто вам не даёт-то? Это всё отговорки для оправдания собственного бездействия. В нашей жизни всё зависит только от нас.

Никита снова пожал плечами. Ещё лет пять назад он вступил бы со своим безымянным собеседником в дискуссию и даже попытался в чём-то убедить, но сейчас подобная идея выглядела пустой тратой далеко не бесконечных собственных сил.

– Возможно, – лениво сказал он. – В любом случае, я сегодня не бездействовал...

Они свернули в короткий соединительный коридор. Здесь проходила полузаброшенная нейтральная зона, не принадлежащая ни одному из близлежащих секторов – такие ошибки административного деления ещё кое-где сохранялись. По углам валялись пустые упаковки от пищевых брикетов, коварно поблёскивающие осколки бутылок, сорванная с кабелей пластмассовая изоляция и прочий сор. Плитки пола местами были выщерблены, под потолком вдалеке горела одинокая лампа, а прямо посередине коридора чернело пятно засохшей слизи, так никем и не убранной после давнишнего Самосбора. На стене возле одной из навсегда закрытых гермодверей, покрашенной суриком прямо поверх ржавчины, угадывалась очень старая, оставшаяся со времён самоуправления надпись:

КООПЕРАТИВНЫЙ ДИСКО-БАР «ФАНТАЗИЯ»

– Вот, видите, – продолжал связист в комбинезоне, указывая на разруху вокруг. – А ведь когда-то много лет назад за той дверью – нет, не там, где потом бар был – находилась секретная аппаратура, о которой я не могу вам рассказать подробнее. Именно здесь Зингашин совершил свой подвиг. Рекордный Самосбор длился больше двух суток. Всё это время запёртый Зингашин обеспечивал бесперебойную работу вверенной ему техники и даже не выпил этанол из электроохладительной системы радиоламп! Разве сейчас так смогут?

– Наверное, не смогут, – равнодушно согласился Никита из вежливости.

– И всем безразлично! – воодушевлённо продолжил связист. – Вот Древние наверняка сделали бы здесь грандиозную мозаику, увековечивающую подвиг героя. А сейчас что? Пока не прикажет начальство, никто даже мемориальный плакат в нишу не повесит...

Они распрощались у лифто-лестничного блока, где сходились сразу четыре коридора, выкрашенные масляными красками разных цветов, а в стенной нише располагался отнюдь не мемориальный плакат «Докладывай о трещинах в стене: они могут быть источником Самосбора». После третьего нажатия лифт всё-таки приехал. Его скрип и лязг были слышны издали: Никите подумалось, что, вероятно, этим вечером лифт тоже хочет отдохнуть и ему тоже неприятно преодолевать шесть этажей.

– Системы освещения и водоснабжения в норме, – доложил Никита, сдав ключи в управлении теплиц ПЯ-74 и отработанным движением расписываясь за свою смену в журнале. – Полив и внесение подкормки произведены по установленному графику. За время дежурства происшествий не было.

Андрей Александрович, заведующий управлением, субъект штатский до последней нитки своего служебного костюма, любил, когда подчинённые обращаются к нему в подобной манере. Тогда на его немолодом лице фиксировалось сложное, отчасти

одухотворённое выражение, которое свидетельствует о том, что его обладатель близок к счастью.

– Так держать, – скупой похвалил он Никиту, перехватывая журнал, чтобы внести на рыхлые, блекло-жёлтые страницы запись о приёме ключей. – До завтра.

Вот теперь можно было идти домой: ещё один коридор с новым цветом стен, ещё один спуск по лестнице, соединяющей блоки, ещё один лифт. В кабине так же чувствовался лёгкий запах перегара, но в остальном здесь было довольно прилично, лишь на вандалостойком зеркале красовался оскорбительный рисунок (должно быть, один из пассажиров возвращался с работы, держа в руках сверло высшего класса). Никита ткнул кнопку с надписью «125». Было что-то респектабельное в том, чтобы ехать в лифте в одиночестве: час пик миновал.

Родной этаж встретил Никиту дружелюбным жёлтым цветом стен: жилые блоки обычно красили в цвета, приятные глазу. Свернув влево и обойдя узел гидрораспределения, Никита поравнялся с настенной надписью АМД-125. Теперь, миновав распахнутую гермодверь, оставалось только пройти пятнадцать метров по очередному коридору, чтобы войти в жилищную ячейку номер 36. Всё. Добро пожаловать домой.

– Света, пойдёшь в распределитель, брикеты пятьдесят второй серии не покупай, – доносился женский голос с кухни-столовой. – Они плохо очищенные, изжога ужасная будет...

Понедельник III

Семён Михайлович, сосед Никиты по жилищной ячейке, был бодр духом в той же степени, в какой, к сожалению, казался немощен телом. Однако здесь следовало употребить именно слово «казался», ведь, дожив до пенсии, он благополучно разминусился с туберкулёзом, аспергиллёзом, циррозом, и – вот счастливчик – со страшным фиолетовым туманом Самосбора. Семён Михайлович не пил этанол, не курил эрзац-табак и даже не храпел ночью, так что ему вполне можно было простить всепоглощающую страсть к беспрестанным поучениям и назиданиям.

– Что, Никита, как день прошёл? – спросил Семён Михайлович, размешивая чай вилкой: у бетонщиков, даже вышедших на пенсию, считалось дурной приметой использовать для этой цели ложку.

Никита пожал плечами. Как может пройти типичный день жителя Гигахруща?

– Да ничего особенного, – туманно ответил он. – Всё растёт, всё развивается. Через пару дней урожай подрастёт, убирать будем. А у вас какие вести?

– Представляешь, Никита, – посетовал Семён Михайлович, – а я сегодня утром в распределитель пошёл. Попал в час пик. Три раза хотел уехать на лифте, а там всё занято было. И никто за все три раза даже не подумал уступить мне место! Хотя я видел там детей, которые вполне могли бы пройти по лестнице. В наше время молодёжь обязательно выходила из лифта, чтобы уступить место старшим!

– Сочувствую, – бросил Никита чуть запоздало, так что было непонятно, чему же именно он сочувствует.

– За такую дерзость вообще довольствие надо срезать, – безапелляционно заявил Семён Михайлович, сердито шевеля большими усами. – Не уступил место – походи голодный, поразмышляй над своим поведением, в следующий раз будешь как шёлковый. Подумать только, никакого уважения к старшим, которые всю жизнь горбатились, как самособранные... А представляешь, Никита, в самом лифте ещё кто-то похабщину нарисовал!

Никита неопределённо хмыкнул.

– А я видел, – сказал он, укладываясь на кровать и вытягивая ноги.

– Это всё из-за реформ, – продолжал сосед. – До них за такое весь жилблок выгнали бы на субботник. Хочешь-не хочешь, а после работы выходишь и чистишь стены, потому что это твой этаж и ты здесь живёшь. И в следующий раз такой хулиган хорошенько подумает перед тем, как подставлять весь коллектив!.. А теперь что? Полная свобода! Ходи где хочу, рисуй что хочу, старшим место в лифте не уступай. Да на кой мне такая свобода сдалась?

На самом деле Семён Михайлович был вовсе не так кровожаден, как могло показаться из его реплик. Он – дитя своей эпохи – сформировался как личность в эпоху «Рассказов для детей-47»: эту книжку сосед Никиты до сих пор хранил на своей полке, как святыню, между «Расчётом арматурных конструкций» и «Предварительным напряжением железобетона». Несложные, но очень важные истории должны были наставлять обитателей Гигахруща и учить их жизни с самого раннего возраста. Сборник начинался сюжетом о том, как один малыш очень не хотел есть тронутые плесенью брикеты; исправить это смог лишь дядя, сказавший, что в ликвидаторы берут только тех, кто хорошо кушает. Дальше шла глава про мальчика, который доложил заведующей блоком о том, что папа поражён Самосбором: папу забрали ликвидаторы, а мальчику выдали целых три карточки на синтповидло – в те годы даже дети из Верхних секторов получали только один брикет лакомства в месяц. В таком слащаво-поучительном духе была составлена вся книга – так, девочка, обнаружив дырку в уплотнении гермодвери, заткнула её пальцем. Жилблок был спасён от Самосбора, а девочку со словами «тебя обязательно вылечат» уводили всё те же самые ликвидаторы. Чувствовалось, что Семён Михайлович принимал все эти истории за чистую монету. Никита же принадлежал уже к другим поколениям, которым достались страшные байки про бракованное синтповидло: после него язык не синел, а чернел – и тогда человека, рискнувшего съесть такое лакомство, по ошибке расстреливали на месте настоящие, а не книжные ликвидаторы.

– ...потому что люди были добрее и честнее, – продолжал сосед, вспоминая золотой век Гигахруща. – Это оттого, что никаких талонов не было. Идёшь в столовую – а там тебе даже делать ничего не надо. Буфетчицы сами смотрят в таблицу, проверяют норму выработки и обед дают. Каждый месяц заходишь в банно-прачечный распределитель, там тебе вручают мыло и бритву. Разве сейчас такое мыло делают? А бритвочки какие были! Такую к шее подносишь, раз – и готово. Нынешние-то прямо в воздухе тупеют.

– Ага, – безрадостно согласился Никита, глядя в потолок тупым, подобным современному бритвенному лезвию взглядом. Отдохнуть в тишине после работы никак не удавалось. Нужно было поскорее заканчивать этот разговор, пока воодушевлённого соседа не поглотил саморазрушительный вихрь воспоминаний.

– Это всё в самоуправление началось, когда деньги придумали, – Семён Михайлович неустанно продолжал изобличать былые дни, беспощадно бичуя реалии того времени. – Тогда-то и пошёл лютый ужас. Тебя могли на лестнице за пять талонов прирезать. Хорошо, что удалось порядок навести.

Никита пожал плечами, поднявшись с кровати. Чего стоили все эти рассказы о добрых людях прежних времён, если они при первой возможности начали резать друг друга всего за пять талонов?

– Ну и что, – раздражённо ответил он, не сдержавшись. – Зато сейчас ликвидаторы тебя могут пристрелить, если ты дышишь в их сторону.

– Ну так не дыши в их сторону, и не пристрелят, – ехидно возразил сосед.

В общем-то, он был прав: без причины ликвидаторы обычно не стреляют в обитателей Гигахруща. Наверное, Никите следовало возразить, но он сдержался. И так уже беседа становилась опасной. За такое недовольство Никиту не уволят с собой ликвидаторы, но с работы в Агропроме могут и уволить – и больше никуда «за ненадёжность» не возьмут. Через месяц будет нечем платить за подачу воздуха в жилищечку: Никиту переведут в коммиблоки-общежития, где в одной комнате на

трёхъярусных кроватях спят шесть человек, и ужинать тогда придётся не высококачественным грибным концентратом – едой успешных людей, – а пайковыми брикетами из гидролизованного жмыха.

– Пойду, кстати, поужинаю, – сказал Никита, вытаскивая из шкафчика брикет.

– Приятного аппетита, – вежливо ответил Семён Михайлович. Всё-таки Никите повезло с соседом.

В кухне-столовой было не так уж и многолюдно: жилблок АМД-125 населяли люди преимущественно семейные, предпочитающие принимать пищу дома, в жиличках. Покрошив в тарелку брикет грибного концентрата, Никита залил его кипятком и поставил на полосатую клеёнку стола. Ту же процедуру он проделал и с таблеткой чая, растворив его в кружке. Кинув туда половину дольки сахара, он откинулся на спинку стула, наслаждаясь вечерним отдыхом. Что может быть лучше, чем поужинать грибным брикетом, вернувшись с работы домой? Разве что поужинать сосиской?

Надо быть справедливым. Работа у Никиты не самая тяжёлая, но и платят на ней не так, чтобы каждый вечер ужинать сосиской. Во всём жилблоке такое может себе позволить лишь несколько человек. Может быть, всё же нужно было согласиться на работу в грибной теплице? Платят там лучше, чем в овощной...

Платят там хорошо, вот только, работая с вешенками, хочешь-не хочешь, а однажды вдохнёшь споры – и с тех пор в твоих лёгких появится новая жизнь, совершенно недружелюбная по отношению к старой. Грустно покачав головой, Никита помешал алюминиевой ложкой грибной концентрат и осторожно, чтобы не обжечься, попробовал маленькую порцию. Неплохо. Сегодня поединок человека и гриба закончился победой человека – а завтра наступит только завтра.

По телевизору, чей выпуклый экран мерцал над водонагревательным титаном, показывали вечерние новости. Сегодня трансляция шла почти без помех.

– ...в промышленном секторе ФЗУ-34 сегодня произошло Аномальное Явление... – рассказывала чёрно-белая телеведущая.

Что-то давно Самосбор не называют Самосбором. Сегодня его именуют «Аномальное явление», завтра – «Инцидент», а послезавтра, возможно, о нём скажут как о «Событии». Впрочем, и сам термин Самосбор – это замена какого-то другого, старого, столь страшного названия, что никто не хотел его вспоминать.

– ...высокий уровень подготовки и отработанные навыки борьбы за живучесть позволили избежать человеческих жертв. Оперативно прибывшие ликвидаторы в кратчайшие сроки справились с последствиями Аномального Явления по протоколу Анна-раз...

А-1 – это обычная уборка. Чего там справляться? Если фиолетовый туман Самосбора не дойдёт до человека, то последствий практически не будет – ну разве что останется несколько лужиц чёрной жижи на полу и тяжёлый, плохо выветриваемый запах. Почему-то его принято называть запахом сырого мяса. Никита не согласился бы с этим. Ему доводилось раз два проходить через секторы, попавшие ранее под Самосбор, и тот гнетущий дух совершенно не казался похожим на запах мясных сосисок категории Б – Никите тоже доводилось пробовать одну такую, когда он был на курсах повышения квалификации в Верхних секторах.

– ...управление ликвидации напоминает о необходимости самонаблюдения, – железным голосом говорил с экрана мужчина в униформе. – Если вы видите, что ваши слизистые оболочки покрылись чёрным налётом или из ноздрей начинает течь чёрная жидкость, – значит, вы столкнулись с Аномальным Явлением, и вам следует немедленно обратиться за помощью в ближайший медблок...

Свежо предание, да верится с трудом. Нельзя спасти попавшего под Самосбор. Скорее всего, ликвидаторы его просто пристрелят из соображений самозащиты, даже не успев довести до ближайшего НИИ. Никто не знает, во что может превратиться человек, проконтактировавший с густым фиолетовым туманом. Легенды рассказывали о том, как за

ночь у человека отрастала дюжина щупалец, которыми он утром разрывал всех остальных обитателей жилблока. Легенды говорили о хитиновых панцирях, которых не могли пробить даже спецпатроны с урановыми сердечниками. Впрочем, эти слухи не стоило пересказывать: слишком велик был шанс попасть потом на допрос к ликвидаторам. «Откуда вы услышали эту историю? Кто вам её сообщил? Кому вы успели её рассказать?» Никита один раз в жизни видел, как ликвидаторы утаскивают человека из жилищечки, – и видеть подобную сцену второй раз, а уж тем более становиться её участником, не хотелось ни в коей степени.

– ...помните, – продолжал мужчина в телевизоре, – если вы заметили симптомы контакта у другого человека, следует немедленно сообщить любому уполномоченному лицу. От этого может зависеть ваша жизнь...

За соседним столом сидел Петрович из тридцать второй ячейки – тихий, немногословный человек без имени. Встретившись взглядом с Никитой, он стыдливо кивнул и тут же отвернулся обратно к телевизору. Когда-то давно, ещё до того, как Никиту переселили в жилблок АМД-125, Петрович был совсем другим. Это его и сгубило. Однажды вечером после рабочего дня Петрович пришёл домой с двумя товарищами по работе. Судя по всему, день оказался очень тяжёлым – коллеги отоварили сразу пять карточек на этанол и начали употреблять его ещё на лестнице. Все могли слышать, как они, ругаясь, наотрез отказываются от дальнейшей работы на объекте без спецскафандров повышенной защиты. Здесь Семён Михайлович, рассказывавший Никите эту историю, практически переходил на негромкий шёпот: названия объекта он никоим образом не упоминал, ограничившись лишь фразой о том, что там была одна буква и одна цифра. В тот страшный вечер Петрович очень быстро опьянел и лишился чувств. Возможно, это его и спасло, когда за ними пришли ликвидаторы.

Через три дня, когда уже все попрощались с Петровичем и, помяная его хорошие человеческие качества, растащили талоны и брикеты из его жилищечки, он всё-таки вернулся. Петрович сохранил за собой койку и даже смог потом устроиться подсобным рабочим в арматурный цех, что свидетельствовало о полной реабилитации в правах. Но те дни, о которых он никогда не рассказывал, всё же оставили на нём след – Петрович бросил пить, стал исключительно немногословным и очень не любил, когда его громко окликали по имени. В такие секунды он вжимал голову в плечи.

Вторник I

Никите отчего-то опять было тоскливо и беспокойно – возможно потому, что сегодня не удавалось отдохнуть на кухне в одиночестве. По телевизору показывали фильм «Любви все возрасты покорны» – мелодраму былых лет про то, как заведующая хмпроизводством ГП-5 полюбила простого слесаря из коммиблока и обрела своё женское счастье. Слесарь, первым делом выпивший весь этанол, найденный в индивидуальной трёхкомнатной жилищечке своей суженой, был откровенно ублюдочен, и Никита совершенно не понимал, почему половина обитательниц жилблока, собравшихся сейчас в кухне-столовой, смотрит этот фильм с влажными глазами – впрочем, женщины всегда любят плохих мужчин. Да, пожалуй, страшнее, чем кинематографический герой-любовник, могли быть только зрители, сопровождавшие просмотр ностальгическими репликами наподобие «Какие же хорошие жили тогда люди!» или «Столько лет прошло, а до сих пор лучше фильма и не сняли!». Этикет Гигахруща предписывал всячески уважать старших за их уникальный опыт, хотя, положив руку на сердце, Никита бы мог и поспорить. Ну что уникального в навыке разламывания брикета перед тем, как его заварить кипятком? Это и так написано на упаковке. Так что, торопливо поужинав грибным концентратом, он покинул переполненную комнату и направился обратно в жилищечку. В шкафчике ещё должны были оставаться одна-две карточки на этанол: пару

месяцев назад ему выдали премию. Поскольку Никита вёл не особо светский образ жизни, срок их действия уже опасно близился к концу.

– Всё-таки жаль мне ваше поколение, – чуть снисходительным тоном сказал Семён Михайлович. Никита продолжал поиски – карточки куда-то пропали. – Вот в наше время мы шкафчики на ключ не закрывали...

Никита на секунду оглянулся. Интересно, если ответить соседу «Так в ваше время вам и ключи-то были не положены», это будет выглядеть как оскорбление? С Семёном Михайловичем ещё жить в одной жилищечке. Не стоит портить отношения.

Две непогашенные карточки на этанол всё-таки обнаружили под зарплатной книжкой строгой отчётности. Никита переложил их в карман. Туда же он спрятал картофелину, которую сегодня тайно сварил на работе. Разумеется, в теплице подсчитан каждый ящик с землёй и каждый литр воды – но умелый садовод может разместить растения чуть плотнее, чем это предписано в нормативах, где также указан процент невсхожести. Поэтому несколько клубней картофеля можно оставить себе.

– К вечеру вернусь, – пояснил он на прощание соседу и отправился в путь.

Лифт опять был занят, хоть послерабочий час пик уже давно кончился: два нажатия на железную кнопку вызова не привели ни к малейшему результату. Вздохнув, Никита направился вверх по лестнице.

Конечно, Гигахрущ бесконечен – но его отдельные части могут быть очень компактными. Взять хотя бы жилсектор АМД: то, что Никита жил на 125 уровне, вовсе не означало, что здесь существуют сотни ярусов. Четырьмя этажами выше лестница упиралась в закрытые и опечатанные двери; там мигал красный глазок сигнализации и висела строгая предупреждающая табличка. Пятью этажами ниже всё было попросту залито бетоном. Оставалось лишь гадать, что находится под этой преградой. Возможно, там шли ярусы, необратимо повреждённые Самосбором (бывало и так, что лишь срочное бетонирование могло преградить путь страшному фиолетовому туману, разрушающему все человеческие представления о возможном и невозможном). С такой же вероятностью там мог располагаться особо секретный НИИ, работающий над спасительным лекарством или образцом сверхпрочного скафандра – ходил слух, что у ликвидаторов есть несколько штук защитных костюмов, снабжённых мощными фильтрами.

Никита не торопясь шёл наверх. На лестничной клетке 126 жилблока пахло хлорной известью. Женщина с объёмной причёской тщательно протирала тряпкой местную достопримечательность, настенную мозаику тонкой работы: несколько учёных в белых халатах стояли на фоне химических колб и атомных орбиталей. Высокообразованные обитатели АМД-126 по праву гордились этим образцом искусства Древних и тщательно оберегали его на зависть соседям с других этажей; правда, года два назад поступил приказ сбить фрагмент, где кусочками кафеля было выложено секретное название НИИ. С того дня все жители блока окончательно уверились, что остальные просто завидуют их мозаике, и принялись ухаживать за ней с удвоенной силой.

127 жилблок, напротив, населяли люди попроще: здесь опять шёл какой-то праздник и тяжело пахло этанолом, ну а стенная мозаика была давно замазана серой эмалью. Шумела музыка. На ступенях, уткнув лицо в колени, сидела пьяная женщина. Никита осторожно обогнул её, стараясь не наступить на волосы.

– ...совсем от рук отбился, – жаловался стоящий на лестничной клетке мужчина с густыми чёрными усами. Его собеседник согласно кивал, прихлёбывая из бутылки. – Я ему говорю: сынок, ты не понимаешь своего хрупкого счастья, пока ты его не потерял. Брикеты есть, крыша над головой есть, этанол дают. Тут от радости прыгать надо. А он мне что отвечает?..

Добравшись до 128 уровня, Никита свернул в боковой переход, где рабочий счищал шпателем со стены какую-то наклейку: все плакаты положено крепить только в специально предназначенные для этого ниши. Миновав ещё одну короткую соединительную лестницу, он прошёл двумя тесными коридорами: гермодвери здесь были

тоже маленькие, снабжённые четырёхбуквенными пометками. Наконец после подъёма на лифте Никита оказался у пропускного пункта: контролёр лениво проглядел издали его документы и, не говоря ни слова, вернулся к чтению приключенческой книги.

Исписанные ругательствами тёмно-зелёные стены и редкие – половина вышла из строя – горящие под низким потолком лампы свидетельствовали о том, что Никита дошёл до сектора с общежитиями. Людей тут жило заметно больше: спускаясь по тесной лестнице, он несколько раз столкнулся с отдыхающими жильцами. Нумерация здесь, в секторе БУР, была совсем другая – триста тринадцатый этаж, триста двенадцатый этаж...

На триста одиннадцатом этаже Никиту ощутимо задел локтем абориген, одетый в растянутую майку.

– Шляются тут, – донеслось до него злобное рычание. – Проходной двор устроили...

Никита промолчал. Со здешними жителями лучше не вступать в конфликт.

На триста десятом этаже одна женщина сложной судьбы (это было заметно по её глазам) обратилась к нему:

– Мужчина, угостите даму этанолом...

Никита отрицательно покачал головой, продолжая свой спуск.

На триста девятом этаже пахло тинной. Это вдруг напомнило Никите о том, как он в молодости, сразу после учебных курсов в НИИ, работал на станции выращивания хлореллы. Похоже, кто-то из обитателей коммиблоков смог подзаработать на пищевые концентраты; но лучше не спрашивать, где местные добывают карточки на этанол. Задумавшись о жизни, Никита едва не зацепился рукавом за полуотломанную дверцу общественного почтового ящика. Отштампованные слова «для писем и газет» ещё угадывались на грязном металле, но ни писем, ни газет внутри, конечно, уже давно не было – лишь поднималась над ящиком к потолку полоса старой копоты, закрывая собой несколько грубых слов.

На триста восьмом этаже Никита, пригнувшись под потолочной балкой, свернул в коридор жилблока: фанерная гермодверь с хлипким уплотнением из клеёнки была открыта настежь. Миновав сушащееся в коридоре штопаное бельё, он едва не столкнулся с сурового вида мужчиной средних лет. Живот мужчины колыхался, точно поверхность растворённого синтповидла.

– К кому идём? – самым что ни на есть деловым тоном спросил мужчина, всем видом показывая, что он – как минимум заведующий.

– К Лёне. Двадцать пятая ячейка.

– А документики ваши? – продолжил мужчина средних лет. Манера беседы делала его похожим на работарговца. – С какой целью пришли? Язык показываем.

Вот это уже было совершенно не по чину. Конечно, по закону ответственное лицо имело все полномочия для осмотра постороннего посетителя, но в данной ситуации это граничило с откровенным самодурством – ну как если бы ликвидаторы начали просто так, за здорово живёшь, расстреливать всех встречных обитателей Гигахруща. Никита нахмурился. По какому праву заведующий всего лишь коммиблоком так допрашивает гостя, работающего ни много ни мало в Агропроме? Гостя, имеющего допуск четырнадцатого уровня? Гостя, когда-то прошедшего курсы повышения квалификации в Верхних секторах?

– С целью производственной консультации, – холодно отрезал Никита, чуть приподняв руку с документами, но не показывая язык. – Если вы откажете мне в доступе и партия урожая Щука-Зинаида-шестьсот-сорок-один сгниёт на корню, то уполномоченные лица спросят, по чьей вине это произошло. Тогда я назову вашу фамилию, имя и отчество. Кстати, каковы ваши фамилия, имя и отчество?

Вопреки ожиданиям Никиты заведующий неплохо выдержал этот удар – всё-таки неопытных людей не назначают на такие должности. Без малейшего подобострастия он криво улыбнулся и чуть сдвинулся в сторону, всем своим видом показывая, что только

ради партии урожая ЩЗ-641, и только ради неё, он согласен прикрыть глаза на букву закона, чтобы последовать его духу.

– Так вот, – на прощание сказал Никита, желая ещё раз показать заведующему, кто тут главный. – Про партию урожая никому ни слова.

Заведующий снова криво улыбнулся, показывая, что эта тайна умрёт вместе с ним.

– Так, вещи из прохода убираем! – услышал его голос за спиной Никита, удаляясь по коридору. Видимо, заведующий решил отыграться на жильцах блока. – А вдруг сейчас Самосбор, а вы тут бельё сушите? Быстро перенести!

Кто-то неуверенно возражал, но заведующий был непреклонен. Похоже, Никите удалось задеть его за живое.

– Вас Гигахрущ бесплатно кормит жмыхом, воздух в жилищечки подаёт, а вы как себя ведёте? Выполнять немедленно!

Обогнув неумытого мальчика, обратившегося к нему со словами «Дядя, дайте талончик», Никита добрался до цели. Дважды ударив в дверь жилищечки и не дожидаясь ответа, он заглянул внутрь. Двое парней играли в карты на заставленном тарелками столе. В тёплом, влажном воздухе пахло прелой гнильцой жмыха: видимо, ужин закончился лишь недавно. В стенной нише висел плакат с грозно выглядящим ликвидатором. Неприятно заскрипели ржавые пружины: Лёня посмотрел на Никиту с верхнего яруса железной кровати.

– Какие люди в нашем коммблоке!

Никита улыбнулся.

– Вторник. Время отдыхать.

Вторник II

Снаружи, за пределами сектора БУР было просторнее, и даже воздух казался прохладным и чистым. Навстречу им прошли двое: женщина с авоськой, набитой брикетами, и мужчина с двумя неоткрытыми бутылками этанола. Его майка торчала из-под обтрёпанной тренировочной куртки, и казалось, что мужчина носит спортивные брюки с оборками.

– Нале-во! – скомандовал мужчина с оборками на повороте, рассмеявшись собственной шутке. Никита проводил их взглядом: обычно семейные пары ходят в распределители по субботам.

– Начну с дела, – заговорил Лёня, когда семейная пара скрылась за их спинами. – Не сможешь достать пропуск в сектор Ка-семьдесят два?

– Ка или Кэ-а?

– Ка. Константин.

Никита задумчиво потёр щеку. К-72. Кажется, это сектор НИИ. Одна буква, но две цифры, значит, получить пропуск теоретически возможно.

– Я могу узнать через дирекцию. Но зачем тебе?

– Был тут слух, – как бы невзначай сказал Лёня, – что там обнаружили мозаику с Ним. Говорят – старая, чуть ли не одна из самых первых. Только теперь туда не пройти. Спецрежим ликвидаторы ввели...

Никита пожал плечами, оглядываясь – не слышит ли кто их разговор?

– Ну, если там уже спецрежим ввели, то как я туда пропуск достану? – недовольно ответил он. – Да и мозаику уже сбили наверняка.

– Как учит нас Он, в жизни всегда есть место чуду, – улыбнулся Лёня, делая правой рукой возле своего лица такой жест, как будто откидывал забрало скафандра.

Никита дёрнулся. В коридоре всё же есть и другие люди! А вдруг кто-то заметит? Лёня, конечно, хороший парень, но зря он так смело показывает свою веру. Когда-нибудь соседи из коммблока очередной раз доложат про него ликвидаторам, и Лёню уведут. Не

на расстрел – всё же тут не Самосбор. Но обычно забранные ликвидаторами не возвращаются. Что с ними происходит – трудятся ли они на работах повышенной вредности или просто до самой смерти живут в тюремных блоках, после чего их тела перемальвают в сосиски, – остаётся неизвестным, и лучше такими вещами не интересоваться. В Гигахруще вообще лучше не задаваться вопросами. Лёня вот начал задумываться о жизни несколько лет назад – и поверил в Единственного, Кто Вышел и Вернулся. За это его и выгнали из Агропрома.

Лёня опять улыбнулся, на этот раз слегка снисходительно.

– Не бойся, – сказал он. – Может быть, и ты когда-нибудь обретёшь веру и утратишь страх. А про мозаику... – Он придвинулся и зашептал Никите почти на ухо: – Ничего они её не сожгут. Сделают священный спецсектор. Я тебе скажу, ликвидаторы сами в Него верят ещё больше нас. Только нам запрещают. Чтобы спастись могли только они.

На лестничной клетке Никита и Лёня разминулись с двумя мужчинами; те косо посмотрели на футболку Лёни, где в шахматном порядке размещались пять золотых звёзд – символ победителя физкультурных соревнований, – но, к счастью, ничего не сказали. Другие могли бы и придраться: с чего это Лёня, человек явно неспортивного вида, носит одежду с такими престижными эмблемами? И даже то, что жители коммблоков не имеют особой возможности разнообразить свой гардероб, вряд ли послужит аргументом...

Распахнутую настежь гермодверь распределителя подпирает кусок бетона с торчащим оттуда обрезком арматуры (это походило на вставленный в бомбу фитиль), но внутри всё равно было душно. К счастью, очередь начиналась внутри помещения, что позволяло считать её недлинной.

– Дайте брикеты не пятьдесят второй серии! Они не очищенные! – спорил какой-то мужчина у кассы.

– Других нет, – зло отвечала продавщица с блестящим от пота лицом. У неё был очень измождённый вид.

В очереди стоял невысокий мальчик, глядящий на спорщиков большими грустными глазами. Весь его вид говорил о том, как он испуган этими странными взрослыми. Неужели он вырастет и станет таким же? Никите отчего-то стало стыдно. Думал ли он в детстве, что спустя двадцать лет ему придётся всё так же ждать в очереди и что изменится только карточка в его руке? А что станет с ним лет через сорок? Он будет стоять в толпе покупателей, но на этот раз с пачкой пенсионных продовольственных карточек? А потом пойдёт ужинать хлореллой в столовую, где по телевизору показывают фильм времён его молодости?..

– Ну тогда скидку сделайте! – продолжал спорить мужчина. – Что мне, семью травить, что ли?

– Не положено!

Стоящий чуть впереди худенький дедушка обернулся к Никите.

– Это всё потому, – зачем-то сказал он, – что у нас сделали рыночную экономику.

– Ага, – равнодушно ответил Никита. – Как скажет директор рынка, так и будет.

Скандал продолжался. Дело заключалось даже не столько в полубракованных брикетах – ну в самом деле, это не повод для спора, – сколько в том, что ругать в Гигахруще позволялось лишь работников распределителей. Мало кто осмеливался возразить своему заведующему или постовому контролёру, и уж точно не нашлось бы смельчака, рискнувшего ослушаться ликвидаторов, – но вот на сотрудников общественной торговли эти ограничения не распространялись. Их можно было без опасения проклинать в кухонных разговорах, жаловаться (разумеется, безрезультатно) в распределительную администрацию и даже едко высмеивать в печати – Никите доводилось видеть карикатуры, где жадные, думающие только о собственной выгоде торговцы-спекулянты всячески обманывали честных обитателей Гигахруща, подсовывая

им из-под полы просроченные, начавшие разлагаться брикеты. В конце концов, должен же кто-то быть виновным в бедах социума?

– Пожалуйста, не задерживайте очередь! – сердился ещё один покупатель, которому до кассы оставалось всего ничего.

– Если тебе так не нравятся брикеты, пиши заявление и переселяйся на Верхние уровни! А если не переселяют, тогда бери, что дают! – учил жизни сурового вида мужчина.

Позади, за спиной продавщицы висел плакат «Вежливость – норма нашего времени», закрывая старую мозаичную надпись «ХрущПО-56» – от этой системы нумерации отказались уже очень давно. У плаката был оторван угол, и нарисованный улыбающийся продавец протягивал брикеты куда-то в пустоту и вверх. Вверх... Никита подумал, что надо бы ещё раз попробовать подать заявление на курсы повышения квалификации. Если его обучат работать в гидропонной теплице, то там можно будет неплохо подняться – в прямом смысле этого слова, на Верхние уровни. Но вот только кто же его пустит на курсы? Туда даже по блату не попасть. Хорошие места в Гигахруще заняты ещё до рождения Никиты.

– Ну переселюсь! А что, вам тогда брикеты нормальные привезут?..

Драма у кассы продолжалась. Недовольный мужчина, не получив ни качественных брикетов, ни скидки, всё же смог выпросить жалобную книгу и сейчас торопливо писал в ней.

– А вот раньше, – продолжил дедушка, пытаясь зацепить взгляд Никиты, – такого не было...

– Это точно, – согласился Никита. – Ему бы даже жалобную книгу не дали...

Отоварив карточку, Никита получил заветную бутылку этанола; в свою очередь Лёня со словами «кутить так кутить» приобрёл брикет синтповидла. Прорвавшись через очередь наружу, они пошли в сторону и наверх – туда, где двумя коридорами дальше, тремя этажами выше лестница упиралась в давно закрытую гермодверь с глазком, замазанным серой краской. Здесь не горела лампочка, и вокруг царил довольно уютный полумрак. Свет, прорывавшийся с нижних этажей, падал на стену диагональной линией. Едва пахло нагретой электропроводкой.

Вытащив из кармана газету, Лёня расстелил её на ступенях. Никита осторожно отломил уголок – больше не нужно – от брикета синтповидла и, раскрошив его пальцами, засыпал получившийся порошок в свежкупленную бутылку сорокапроцентного этанола, легко встряхнув её напоследок. Взбаламученная жидкость покрылась лёгкой пеной. Запах жжёной резины стал слабее; взамен этанол приобрёл густой фиолетовый цвет. Казалось, что если в него обмакнуть палец, то на стене можно будет написать слово. Наконец на дно бутылки начали неторопливо падать едва заметные хлопья осадка. Коктейль был готов.

Снизу раздались шаги: трое совсем молодых парней с бутылкой этанола недовольно усталились на Никиту и Лёню, занявших столь уютное место. Никита напрягся: в этих секторах молодёжь взрослеет рано, но, к счастью, всё обошлось без драки. Юные гости, перекинувшись взглядами, развернулись и ушли.

– Чернильники, – презрительно бросил один из парней перед тем, как скрыться внизу.

Синтповидло, растворённое в этаноле, делало напиток из просто тошнотворного приторно-тошнотворным, взамен снижая крепость алкоголя: должно быть, в ходе реакции разлагалась примесь изопропанола. Из-за этого коктейль считался в Гигахруще преимущественно женским, и употреблять его в необразованной мужской компании было дурным тоном.

– Думаю, можно, – наконец сказал Никита и осторожно, чтобы не стряхнуть со дна осадок, налил этанол себе и другу.

Они чокнулись зажатыми в руках эмалированными кружками: звук был забавный. Первый глоток прополз в глоток точно сгусток канцелярского клея. Никита так и не

научился пить этанол – ему всё время казалось, что его стошнит. Несколько бесконечных секунд он боролся с подступающей дурнотой; ему даже пришлось зажмуриться. Судя по резкому вдоху Лёни, тот испытывал схожие ощущения.

– Что-то совсем гадкая партия, – сдавленным голосом пробормотал он. Никита посмотрел маркировку этанола: номер серии заканчивался на цифры 76. Если вдруг будет выбор, такое больше не стоит брать.

– Давай следующую.

Второй глоток этанола всегда удавался проще: видимо, организм получал нечто вроде местной анестезии. Теперь Никита даже смог закусить варёной картошкой, предварительно посыпав её раскрошенным суповым брикетом. Брикет был солёный, с каким-то терпким привкусом, позволяющим нейтрализовать приторно-гадкий коктейль.

Почему-то этанол действовал на Никиту совершенно не так, как на остальных жителей Гигахруща. В них – в заведующей Екатерине Алексеевне, в Антоне из шестой жилищной, даже в Семёне Михайловиче, который любил нет-нет да и прихлопнуть треть кружечки, особенно если угощают, – в них он пробуждал оптимизм, веру в жизнь, и странную, неоправданную радость. Никита же по неизвестной причине ощущал себя совсем иначе. Барьеры, которыми он успешно отгораживал себя в обычной жизни от этой самой обычной жизни, истаявали в этаноле точно синтповидло, и Никита внезапно начинал испытывать чувства, от которых обычно старался укрыться. Передав недоеденную половину картошки Лёне, Никита огляделся, словно пытаясь понять – каким образом он оказался здесь, на верхней лестничной клетке сектора ЗСУ, прямо под выведенным багровыми цифрами на стене номером 217? Почему он сидит на газете, опираясь правой рукой на ржавые перила из сваренных железных прутьев, с которых уже давно отвалилась вся краска? Зачем он пьёт отвратительный, бьющий по голове напиток фиолетового цвета?

Неожиданно для себя Никита ощутил, что правая кроссовка сильно сдавливает ногу: раньше ему удавалось отгонять от себя даже это чувство. Поставив кружку на бетон ступени, он расшнуровал обувь и снял её, пошевелив освободившимися пальцами. Лёня, доев свою часть картошки, с лёгким удивлением наблюдал за его действиями; в этот момент Никита осознал, что держит кроссовку в руке так, как будто собирается занюхать ею выпитый этанол.

– Какой-то камушек попал, – солгал Никита, для видимости лёгонько постучав кроссовкой о перила, точно выбивая несуществующую помеху. Он подумал, что обитатель Гигахруща, занюхивающий этанол собственной обувью, в общем-то, вполне достоверный типаж, в возможности существования которого никто не усомнится, и ему стало грустно.

– Вот теперь можно поговорить и о вечном, – сказал Никита, оставив кроссовку в покое. Собственный голос показался ему каким-то чужим и незнакомым.

– А не боишься? – с лёгким вызовом спросил Лёня.

Никита осторожно прислушался к внутренним ощущениям. Затем – к звукам на нижних этажах. И там и там всё было спокойно.

– Сейчас – нет.

Лёня поднял взгляд вверх, где в полумраке лестничной клетки белела потолочная бетонная плита, и улыбнулся.

– Ну, тогда давай поговорим о Нём.

Эту легенду, одно из бесчисленных сказаний Гигахруща, Никита знал не первый год. Она гласила, что когда-то очень давно, в незапамятные времена, задолго до самоуправления, в Эру великих шагов, жители Гигахруща попытались преодолеть само пространство и время, чтобы выбраться наружу, за пределы бетонных стен. Никто не знал, как именно это оказалось возможным, но классический сюжет был таким. Сотрудники семидесяти семи НИИ и КБ изготовили спецкафандр, способный выдержать даже пребывание в центре Самосбора. В урочный, рассчитанный заранее час ликвидаторы

отворили Семь Гермоврат, ведущих на крышу Гигахруща, и его простой обитатель вышел наружу. Он гулял там не больше часа. Никто не знает, что он видел там; апокрифические сказания говорили про звёзды, траву и ночное небо – точно как на настенных мозаиках Древних. Эти же сказания расходились в том, когда Его расстреляли: сразу по возвращении, немедленно после допроса или же на третий день. Однако пули не смогли убить путешественника – за час, проведённый вне пределов Гигахруща, он стал богочеловеком и обрёл бессмертие. Никто не знал, что стало с Ним дальше, но именно с тех пор на стенах Гигахруща в дальних заброшенных секторах сохранились мозаики Древних с Его портретами. Оригиналы Никите – да и, пожалуй, почти никому – не доводилось видеть, но при желании найти копию эскиза, сделанного по рисунку с наброска, было несложно, равно как и узнать на нём канонический лик Героя: широко улыбающегося мужчину в скафандре на фоне звёздного неба. Выше, над шлемом скафандра с открытым забралом, всегда помещались два имени, показывающие Его двойную природу – человеческое имя Слава и божественный тетраграмматон КПСС.

Вторник III

– Как думаешь, – обратился Никита к Лёне, вновь разливая этанол по кружкам, – что там было снаружи? Что Он там увидел?

Для начала беседы Никита решил сделать допущение, что Слава КПСС действительно существовал и действительно выходил на крышу. В конце концов, он мог быть просто каким-то старинным киноактёром или героем-ликвидатором, которого решили запечатлеть в настенной мозаике на фоне звёздного неба.

– Ты знаешь, – коротко ответил Лёня. – Вопрос не в том, что он видел, а чего он там не видел. Но ты и правда хочешь, чтобы я это сказал прямо здесь?

Лёня знал правила базовой конспирации. За фразу «Слава КПСС на крыше бывал и Самосбора не видал» можно было гарантированно лишиться работы – собственно, примерно за это Лёню и уволили из Агропрома. Не стоило подставлять Никиту.

– Нет, – сказал Никита, чуть мотнув головой. – Не надо. Но почему ты думаешь, что там нет Самосбора? Ведь откуда-то же он должен появляться?

Лёня чуть пригубил этанол. То же самое сделал и Никита. Сейчас их самодельный коктейль уже не казался отвратительным: поистине, человек может приспособиться ко всему.

– Самосбор приходит снизу, – ответил Лёня и закусил обломками супового брикета. – Это наказание за гордость и тщеславие. Когда Древние, пытаясь познать мир, приказали своим учёным пробурить самую глубокую скважину – те пробили дно, выпустив Самосбор на свободу...

Никита, крутя в руках кружку – коктейль вздымался по её стенкам, оставляя на них фиолетовый след, и это отчего-то казалось смешным, – решил, что как-нибудь надо будет расспросить Лёню поподробнее. Почему Самосбор выпустили Древние, а наказан этим Никита?

– ...и с тех пор он просачивается снизу через трещины и стыки в бетоне, – продолжал Лёня. – Ведь на Верхних уровнях его почти не бывает. А на крыше его нет.

– Откуда ты знаешь?

Лёня посмотрел на Никиту. Сделав глоток, он закашлялся.

– Потому что Его тогда бы не казнили, – сказал он изменившимся голосом. – Но Он принёс людям благую весть о том, что на крыше нет Самосбора, и это стоило ему жизни. Кто захочет оставаться в Гигахруще, если там, снаружи, есть спасение?

– Хороший вопрос – есть ли вообще что-то снаружи.

Лёня лишь воздел руку к плакату в стенной нише прямо напротив них. Это был непонятно как здесь оказавшийся репринт мозаичного сюжета Древних: вероятно, когда-

то за спинами Никиты и Лёни располагался вход в очень важное учреждение. Несколько физкультурников – одетых в белоснежные майки юношей и такие же белоснежные платья девушек – образовывали гимнастическую пирамиду на какой-то площади. Вдалеке на заднем фоне виднелся город, залитый лучами гигантского золотого светила. К небу возносились невообразимой высоты здания белого бетона; одно из них было увенчано статуей человека с воздетой рукой. Казалось, ещё немного, и он дотронется до облаков. Неизвестный хулиган – надо заметить, очень культурный хулиган – пририсовал статуе бутылку этанола, вложив в поднятую ладонь.

– Чтобы придумать такой рисунок, – пояснил Лёня, – нужно знать, что существует открытое пространство и что в небе есть большое, яркое светящееся нечто. Попробуй посмотреть на этот рисунок и представить мир снаружи?

– Это даже не мозаика. Вот это – просто фантастическая картинка, из числа тех, к которым наши заведующие привыкли в детстве, – негромко произнёс Никита. – Поэтому их и вешают. Когда мы состаримся и станем начальством, то люди, чтобы умиловать нас, будут украшать стены картинками из нашей молодости.

– Мы? – с лёгкой, едва заметной иронией спросил Лёня. – Начальство? Нас? Умиловать?

Никите стало грустно. В самом деле, обитателям секторов АМД и БУР не следует слишком забегать вперёд в своих планах на жизнь.

– Кто знает, – сказал Никита в пространство; казалось, он говорит это не столько Лёне, сколько себе. – Если долго учиться и упорно работать... может быть, меня переведут в сектор... хотя бы ЗАЗ. Ну или как два месяца назад дадут пять карточек на этанол, который мы сейчас пьём.

Он снова сделал глоток из кружки.

– А чтобы прийти к Нему, – важно сказал Лёня, – нужно всего лишь открыть своё сердце.

Никита выпил ещё глоток этанола. Хотелось поговорить о более важных вещах.

– Лёня, – начал он. – Вот скажи мне. Почему вы ищите мозаики с Ним, но не пытаетесь выбраться наружу? Может быть, наверх нет выхода?

Никита говорил это с лёгким вызовом. Ему хотелось, чтобы Лёня начал с жаром доказывать – нет, выход есть...

Лёня не попался на провокацию и желание Никиты не исполнил.

– Наверное, потому, что тех, кто обрёл спасение и вышел отсюда, ты уже не встретишь, – логично ответил он.

– Значит, выход всё-таки есть? – спросил Никита с тем же вызовом в голосе.

– Почему бы ему не быть. Слава КПСС до расстрела не мог проходить сквозь стены.

– А если Гигахрущ бесконечен? И снаружи ничего нет?

– Он выходил, – веско сказал Лёня. – И видел мир снаружи.

Здесь можно было бы начать долгий теологический спор: кто доказал, что Слава КПСС существует? Кто может подтвердить, что он вышел наверх и действительно не встретил Самосбор? – но Никите почему-то не захотелось этого делать. Возможно, сказалось утомление от алкоголя. С такой же вероятностью его томило желание обрести надежду и прикоснуться к чему-то большему, чем окружающий Гигахрущ.

– Пойми, проблема не в этом, – медленно произнёс Лёня, пока Никита наливал коктейль по кружкам. – Выйти из Гигахруща не так сложно. Путь на крышу тебе преграждают ликвидаторы, гермодвери и администрация. Это можно преодолеть – поднять восстание, отнять оружие у ликвидаторов, прорваться наверх...

Никита сдержанно улыбнулся. Лёня так легкомысленно рассуждает об окружающем мире! Прорваться через бесчисленные кордоны ликвидаторов столь же сложно, как проковырять ногтями бетонную плиту за их спинами.

– ...настоящая проблема в том, чтобы, выходя из Гигахруща, не сохранить его в своём сердце. И когда ты ищешь мозаику с Его улыбкой, ты на самом деле хочешь обрести в своём сердце улыбку, а не Гигахрущ. Когда-то давно в секторе КПЗ...

Никита, содрогнувшись, покачал головой. Куда только не занесёт человека поиск истины! Кстати, не про этот ли сектор ходил неправдоподобный слух, будто там после одного из особо мощных Самосборов ликвидаторы забетонировали сразу два этажа вместе со всеми работниками?

– ...мне рассказывали, что в незапамятные времена, задолго до Славы КПСС жители Гигахруща уже находили выход и выбирались на крышу. Но, поскольку они несли в своём сердце Гигахрущ, они не знали, как им жить дальше. Они бродили по крыше, смотрели на небо и солнце – а потом возводили цех бетонных плит и надстраивали новые этажи к Гигахрущу, потому что это было единственное, что они умели делать. И за бесконечное количество лет, повторяя это снова и снова, они построили безграничный Гигахрущ.

– Если я выйду на крышу, – предположил Никита, опять прислушиваясь – нет ли кого внизу, – то я не буду строить новые этажи.

– Это ты. А другие? Помнишь эпоху самоуправления, когда людям дали свободу?

Никита попытался вспомнить детство.

– Да не так уж плохо и было, – сказал он наконец. – Людей всю жизнь держали под дулом автомата. А потом разрешили всё. Вот их и понесло. Это как жильцы сектора ИТЛ перебираются... ну хотя бы в ИТК и открывают для себя, что можно свободно пить этанол каждый день, ходить по соседним блокам в гости и ложиться спать в любое удобное время. И тут начинаются такие дебоши...

– Если люди выйдут на крышу, будет то же самое, – предупредил Лёня. – Они испугаются и надстроят ещё один этаж, чтобы спасти себя от этого страха и оказаться в безопасном месте.

Никита хмыкнул. Выпитый этанол отуплял, не давая возможности придумать аргументированный ответ.

– Пожалуй, ты и прав, – недобро сказал он. – Но ты забыл о ликвидаторах. Они ведь тоже пойдут на крышу вслед за людьми – потому что они умеют только командовать и надзирать. А ещё их много – и они умеют стрелять. Выйдут и прикажут строить новые этажи, чтобы они снова могли спасти нас от Самосбора, а мы бы их за это кормили. И вообще, почему Он не может ничего сделать, чтобы спасти нас?

Вопрос был прямым и чрезвычайно сложным; задавая его, Никита где-то в глубине души признавал, что некрасиво подлавливать собеседника подобным образом. Как может появиться развитая теория там, где за богословие немедленно карают?

– Он бог, но всё-таки и человек, – чуть подумав, ответил Лёня. – Знание истины ещё не даёт всемогущества...

Среда I

После вчерашнего возлияния – то ли от богословских рассуждений, то ли от некачественного этанола – ужасно болела голова. Когда утром Никита вполз в кухню-столовую, чтобы налить себе воды, по телевизору транслировали старинную запись развлекательной передачи.

– Этанол в малых дозах безвреден в любых количествах, – сообщил залу Ковальский, известный эстрадный юморист былых лет. Лысина юмориста поблёскивала подобно застёжкам его портфеля. Телезрители, одетые в старомодные душегрейки, встретили эту искромётную шутку бурными аплодисментами, но вот Никите от упоминания этанола сделалось дурно.

Это было не единственное последствие застолья: лиловый краситель синтповидла сохраняется в человеческом организме слишком долго. Синий язык и губы в розовом свете светодиодных лент казались чёрными, как если бы Никита попал под Самосбор. Как назло, сегодня – на день раньше – была приёмка урожая. Продовольственно-развёрсточная бригада оперативно извлекала маленькими вилами картофель из ящиков с землёй. Распорядитель Вячеслав Михайлович, спустившийся из У-51, в это время важно ходил по теплице, наблюдая за работой своих подчинённых. Он выглядел сытым и ухоженным, похожим на оживший картофельный клубень; от него даже пахло одеколоном, и Никиту ужасно мучило каждый раз, когда приближалось начальство. Поджав губы и стараясь не слишком дышать остатками этанола, Никита перекладывал картофельную ботву в специальный контейнер. Распорядитель же смотрел за его действиями с заметным презрением – наверное, это тоже можно было счесть карой за выпитый алкоголь.

– Семена задерживаются, – сказал Никите заведующий Андрей Александрович, когда продовольственно-развёрсточная бригада, взвесив собранный картофель и опечатав контейнеры, удалилась с урожаем. – Так что пока рыхли почву.

На жаргоне сотрудников Агропрома это означало, что сегодня Никита может отдохнуть. Вернувшись в диспетчерскую, он поставил кипятиться воду для чая. После вчерашнего застолья не отпускало какое-то противно-суетливое чувство обречённости бытия. Сегодняшнее наблюдение за уборкой урожая – когда всё, выращенное его руками, грубо выдёргивают из земли и уносят на брикетные фабрики, – только усугубило это чувство.

Вздохнув, Никита открыл стеллаж с садовым инструментом. На время прихода продовольственно-развёрсточной бригады он спрятал туда самое ценное, что было у него в жизни – цветок эдельвейса. Взяв с полки стакан с чуть подрагивающим хрупким ростком, он бережно отнёс его в теплицу и пристроил на свободное место возле опустевших ящиков с землёй.

Бело-серебристый эдельвейс оказался у него прихотью судьбы: тогда Никита был в Верхних секторах на курсах повышения квалификации. Его учили работать с системами капельного полива и заодно оформляли допуск к работе со светодиодными лентами. Там-то он и разговорился с одним из заведующих, и тот подарил Никите сложенный вчетверо кусочек бумаги, в котором лежало что-то, похожее на крупинку.

«Положите семечко на почву», – посоветовал заведующий Михаил Сергеевич, неожиданно добрый для своей должности – на Верхних уровнях люди вообще не такие злые. – «Этот цветок может расти без плодородной земли, даже на обломках бетона, но взамен ему требуется много света. И постарайтесь никому не показывать его».

Выросший из семечка эдельвейс казался чудом: Никита даже не мог поверить, что бывают такие прекрасные растения. Известно, что по крошке бетона мудрец может догадаться о существовании Гигахруща, а по автоматному патрону – о существовании ликвидаторов. Любуясь эдельвейсом, Никита пытался представить себе, что где-то есть спецтеплица, в которой специально обученные люди, обладающие высшей – несомненно высшей – группой допуска, выращивают подобные цветы. А где-то есть люди, которые украшают ими свои жилищечки... Может быть, Никита когда-нибудь сможет выбить из заведующего новые курсы повышения квалификации, снова окажется на Верхних уровнях и попробует завязать там знакомства, чтобы попасть на работу в эту спецтеплицу, где растут чудесные цветы с бело-серебристыми лепестками...

Вернувшись из теплицы в диспетчерскую, Никита залил вскипевшей водой таблетку чая. Почему-то теперь всё, попадающееся ему на глаза, напоминало о той славной неделе, когда он был на курсах, и особенно цветной плакат с лесным пейзажем, наклеенный в стенной нише. Никита купил его в последний день перед возвращением домой, потому что у него ещё оставалось несколько неизрасходованных талонов. Такие плакаты, создающие иллюзию проёма в стене, продавались только на Верхних уровнях.

Почему-то местные обитатели совершенно не ценили подобную роскошь, считая её предназначенной лишь для очень небогатых и невзыскательных людей.

Сосед Семён Михайлович, к сожалению, тоже не очень оценил покупку, и энергично воспротивился тому, чтобы Никита наклеил плакат в жилищечке: в стенной нише уже давно висел именной треугольный вымпел, подаренный Семёну Михайловичу при выходе на пенсию. Поэтому Никита, чтобы избежать потока lamentаций «Рабочего человека обижают», отнёс лесной пейзаж в диспетчерскую и закрепил его там водоупорным клеем – от тепличной сырости бумага может пойти волнами.

Плакат приводил Никиту в восторг. Как сказал ему продавец, это была полиграфическая копия с какой-то очень древней картины. Напечатанная на бумаге река текла через лес с неправдоподобно высокими деревьями – это же сколько света и воды нужно, чтобы вырастить подобных колоссов? – ныряя под мост, выгнувшийся аркой. Мост был сложен из каких-то небольших прямоугольных блоков, совершенно не похожих на бетон. Никита очень гордился своим приобретением: казалось, что в полуметре от него начинается настоящий лес. Особенно реалистично это выглядело, если он, как сейчас, закрывал один глаз: тогда мозг, лишённый стереоскопического зрения, мог на мгновение поверить, что рядом действительно находится лесная чаща; чего только не способен представить человек, желающий ввести в заблуждение самого себя!

Почему-то сейчас это не сработало так, как раньше: плакат продолжал оставаться плакатом, не создавая иллюзию леса, но напоминая о том, как Никита один раз в своей жизни поднялся наверх. Верхние уровни и вправду находились где-то очень высоко и далеко – тогда их учебную группу вёл по Гигахрущу специальный уполномоченный. Они шли и шли через незнакомые им секторы, отделённые друг от друга постами строгого контроля, и циклопические лифты – на сотню человек каждый – поднимали их куда-то всё выше и выше. Миновав бесчисленное количество переходов и подъёмов, они оказались в сердце Гигахруща.

Не имелось слов, чтобы описать роскошь и богатство Верхних секторов. Достаточно лишь упомянуть, что стены там покрывал узорчатый кафель, а не масляная краска; до потолков не удалось бы дотянуться, даже встав на стремянку. Вода в кранах – вот диво – не была ржавой, а контролёры – это казалось совершенно невозможным – обращались к людям на вы и после проверки документов даже желали хорошего дня.

В свободное от курсов время Никита успел прогуляться по галереям Верхних уровней, где – чудо из чудес – потолки изгибались дугами. Один из залов ему не очень понравился: там в тесных стенных нишах размещались статуи сгорбленных, стоящих на коленях обитателей Гигахруща, и даже ликвидатор в старомодной форме, с каким-то странным старинным пистолетом, выглядел таким же скрюченным узником бетонного лабиринта, как и глядящий на него Никита. Зато его восхитил другой чертог – лёгкие, ажурные арки из блестящей нержавеющей стали поддерживали потолок, где в овальных кессонах пряталось небо.

На самом деле это были изумительно сделанные мозаики Древних, изображавшие небо – деревья на фоне розового заката, летящие среди облаков крылатые машины, возносящиеся вверх пёстрые воздушные шары, но Никите казалось, будто он находится на самом верхнем этаже Гигахруща и через стеклянные иллюминаторы рассматривает внешний мир. Конечно, ему уже по секрету рассказали: нет, этот этаж далеко не последний, и можно ещё долго-долго подниматься наверх по мраморным лестницам, и там якобы будет находиться всемогущий Главсектор – но так хотелось верить, что он смотрит на настоящие облака и листья яблонь... Эти произведения искусства на голову превосходили бесхитростные мозаики, сложенные из обломков кафельных плиток в секторе АМД. Неизвестный художник обладал не только талантом – похоже, в его распоряжении были лучшие образцы смальты. Тогда Никита долго ходил по залу с запрокинутой головой, жадно вглядываясь в каменное небо, сталкиваясь с такими же, как он, гостями, прибывшими из нижних ярусов. Аборигены здешних мест с лёгкой усмешкой

глазели на визитёров: возможно, что для них наблюдение являлось таким же источником удовольствия, как для Никиты – любование мозаиками. Именно тогда, возвратясь в гостиничную жилищечку, он принял твёрдое решение: учиться, работать и любой ценой пытаться вырваться в люди, надеясь, что когда-нибудь его всё-таки переведут на Верхние уровни, и он снова будет ходить вечером по залу, глядя на гениальные мозаики. Но перед этим – ужинать настоящей мясной сосиской категории А.

Среда II

Никита узнал Георгия издали и почти сразу – по уверенной походке: тот шагал по широкому соединительному коридору между административными блоками ЦПШ и ВПШ. Сам Никита оказался здесь, почти наверху, случайно – в управлении ПЯ-74 его попросили срочно передать начальству, в У-51, журнал учёта вегетативных циклов. Для Георгия, вероятно, это был столь же случайный спуск «вниз».

– Здравствуй...те, – не очень решительно начал Никита, сомневаясь – может быть, стоило добавить обращение «Георгий Максимилианович»?

Георгий приглядывался к нему секунду-другую, показавшуюся Никите очень долгим сроком.

– Привет. Мы же на ты перешли.

Никита облегчённо вздохнул. Значит, его помнят, хотя после курсов повышения квалификации – они познакомились там совершенно случайно – прошло больше года. Как жизнь, Никита? Да всё так же, сажаем и убираем, а как ты? Вот, расширяем производство, давно не виделись, если будешь на Верхних уровнях, заходи. Я бы зашёл, да входа нет. А на курсы гидропоники заявку подал? Там все места уже расписаны на три будущих года. Ну а по знакомству с Борисом Николаевичем? А по знакомству Борис Николаевич уже давно взял не того человека, который теперь уйдёт только ногами вперёд...

Они приближались к контрольно-пропускному пункту, и Никита рискнул перейти к сути дела.

– Есть один вопрос, – сказал он негромко. – В моём жилблоке несколько надёжных людей хотели бы приобрести немного мяса. Это возможно?

Георгий посерьёзней лицом. Подземные птицемясокомбинаты обслуживают только ликвидаторов и незримую администрацию Главсектора.

– Это очень трудно и очень дорого, – наконец ответил он, и Никита облегчённо выдохнул. Всё-таки возможно. – С сосисками было бы проще. А люди надёжные?

Никита кивнул.

– В наших блоках нормальный человек виден с другого конца коридора.

Кивнул и Георгий. Судя по некоторым деталям, он и сам был родом не из Верхних секторов, и легко понял, что имеет в виду Никита.

Они свернули в боковой коридор, чтобы не стоять лишней раз перед контрольным пунктом. Здесь раскинулась во всю стену очень оптимистичная, радующая глаз мозаика: девушка в сиреновом платье, сидящая на подоконнике, смотрела в окно, за которым был только яркий белый свет. Сверху кусочки кафеля складывались в слово «ВЕСНА».

– Что вы хотите? – перешёл Георгий к делу.

– Сколько будут стоить куриные голени? – наудачу спросил Никита. Следует быть реалистом: бедра, скорее всего, окажутся неподъёмно дорогими, но вот голени...

– Семьсот.

Никита содрогнулся. Семьсот талонов? Это за килограмм?

– За штуку? – несмело спросил он.

– Ага.

Какой ужас.

– А... нет ли дешевле?

Георгий с деловым видом качнул головой.

– Никак нельзя. Это и так со скидкой. Знаешь, сколько мне приходится откатывать начальству?

Никита промычал что-то неразборчивое.

– Могу потрошки продать, – продолжил Георгий. – Один набор – двести талонов. Считай, те же сосиски категории Б, только без примесей. Суп из них сварись. Овощи у тебя ведь водятся?

Никита задумался.

– Ну или крылья могу, – предложил Георгий. – На бульон – самое то.

Это уже интересно.

– Сколько?

– Триста за крыло.

Триста талонов. Это зарплата Никиты за месяц – разумеется, без учёта премии карточками на этанол. Никита колебался; Георгий не торопил с ответом.

Продвигаясь неторопливым шагом, они покинули ВПШ-82 и оказались сразу в ВПШ-86: такие разрывы в нумерации были обычным делом для секторов, вытянутых по горизонтали. Рабочий в грязном комбинезоне замазывал цементным раствором трещину в стене как раз на границе двух административных единиц. Слишком жидкий раствор понемногу вытекал из разлома между бетонными плитами, и рабочий, тихо бранясь, пытался вернуть его обратно. Мастерок неприятно скрипел.

– Я спрошу у своих, – в конце концов решил Никита, когда бетонщик остался позади. – Думаю, мы сможем себе это позволить...

Дорога домой показалась Никите невероятно короткой. Он быстро спускался по лестницам сектора АМД, стараясь скрыть своё волнение. Откуда-то снизу доносилась классическая музыка: по телевидению транслировали концерт пианиста Сердюка, и Никита шёл точно персонаж драматического фильма, спешащий навстречу своей судьбе. В каком-то смысле так оно и было: торопливо свернув в жилблок 125, он направился сразу к заведующей.

– В чём дело? – спросила Екатерина Алексеевна, открыв дверь своей ячейки. – Приёмный день окончен.

Никита огляделся. Сегодня по расписанию давали горячую воду, и в коридоре жилблока уже выстроилась очередь к душевой.

– Можно войти? – негромко осведомился он, скосив глаза в сторону желающих помыться, тем самым аккуратно намекая на то, что не всякое слово годится для людного места.

Екатерина Алексеевна внимательно посмотрела на Никиту: тот был в жилблоке на хорошем счету и по пустякам о подобном просить бы не стал.

– Заходи, – наконец разрешила она, впуская его в свою роскошную двухкомнатную жилищечку. В дальнем дверном проёме покачивались занавеси ручной работы, сделанные из скрепок и кусочков цветной бумаги. Как же богато могут жить люди!

Гермодверь закрылась за спиной Никиты. Звякнул, покачнувшись, вычеканенный на латунной пластинке барельеф с цветком в вазе. О такой роскоши Никите оставалось только мечтать.

– Я сегодня встретился с человеком, который может продать настоящее куриное мясо, – осторожно сказал он, делая шаг по настоящему, точно как в управлении ПЯ-74, линолеуму. – Помните, мы говорили об этом раньше?

Бровь заведующей чуть дрогнула. Начиналась игра ва-банк.

– Сколько? – коротко спросила она.

– Триста за крыло, – так же лаконично ответил Никита.

Екатерина Алексеевна нахмурилась. Никите очень захотелось перевести взгляд куда-нибудь в сторону – хотя бы на узор ужасно дорогого настенного ковра, – но он сдержался.

– Верхние что, думают, мы тут талоны рисуем? Когда делать нечего?

– Голень была вообще за семьсот.

Губы заведующей жилблоком сжались в тонкую нить.

– Ну допустим. А из этих талонов тебе к рукам ничего не пристанет?

Никита принял самый честный вид, который только мог.

– Я могу дать вам его координаты. Вы можете подойти к нему на Верхние уровни и спросить, за сколько он продаст вам куриное крыло. Скорее всего, он ответит, что работой не торгует и тут же доложит о беседе контролёрам. У них инструкция – сообщать о таком...

...И в жилблоке АД-125 будет новый заведующий. Эти слова Никита произнёс про себя, но они были очевидны.

Екатерина Алексеевна недоверчиво смотрела на Никиту. Почему-то в её взгляде не было обычного начальственного превосходства. Никита вдруг понял, что ещё никогда не видел заведующую жилблоком такой, как сейчас: она казалась очень уставшей, точно человек, проживший тяжёлую жизнь без права на ошибку. Интересно, а как бы он сам выглядел на её месте?

– Посмотри, Лёша в девятнадцатой пришёл с работы? – наконец произнесла она странно мягким голосом, лишённым обычной командной интонации. – Позови, пожалуйста, его ко мне. Если я пойду к нему сама, это будет подозрительно...

В кухне-столовой уже почти никого не было – лишь Никита, волнуясь перед завтрашней сделкой, размешивал чайную таблетку в кружке да Антон из шестой жиличейки, сидя за дальним столиком, ковырялся в зубах алюминиевой вилкой. По телевизору передавали молодёжную музыкальную программу: это происходило только в самый поздний час, когда целевая аудитория дневного ретро-вещания ложилась спать. Милая девушка, одетая в камуфляжные серо-розовые шортики и такую же маечку, пела про любовь – про то, что она хочет любить именно смелого ликвидатора, но никак не слесаря, токаря или сварщика. Никита слушал песню вполуха. Лёгкая, ритмично-танцевальная мелодия, не призывающая ходить строем в ногу, казалась причудливым цветком, чудом выросшим посреди бетонной громады Гигахруща – ну точно музыкальный эдельвейс. Обычно по телевизору транслировали эстраду, похожую на сочетание шансона с маршем; таким, к примеру, был недавний хит «Ликвидатор рад сразиться, Самосбора не боится».

– Только и умеют, что задницей по телевизору вертеть, – проворчал Антон, не выпуская вилки изо рта. – Её бы к нам на завод, она после смены только пожрать бы смогла, а не выделяться на сцене.

Никита что-то промычал неразборчивое в ответ. Вступать с Антоном в беседу у него не имелось никакого желания, но и игнорировать соседа по жилблоку было бы невоспитанно. Тот не сильно превосходил Никиту по возрасту, но своей любовью к Древним затмевал даже Семёна Михайловича.

– Вот раньше этого просто не было, – продолжал роптать Антон, адресуя свою реплику куда-то в пространство. – Такой девчонке дали бы ремнём по одному месту и отправили на конвейер, брикеты штамповать. Слышал, серия на пятьдесят два бракованная? Не очистили до конца, есть невозможно. Слово кислоты пьёшь. И вот так везде. Пока к каждому не приставят контролёра, а лучше ликвидатора с автоматом, никто работать даже не начнёт. Ну скажи, Никита, вот как Древние смогли построить Гигахрущ? Только так и сделали. Иначе никак. Посмотри, какие мозаики были: простой рабочий переезжает в трёхкомнатную жиличейку. Или обычный инженер ест мясные сосиски. А сейчас что? Только и умеют сдирать талоны за воздух и покраску стен...

Никита кивнул, всем видом высказывая равнодушие. Будь он тут не с Антоном, а с Лёней, можно было бы попробовать усомниться – а почему Древние не могли построить что-нибудь получше, чем Гигахрущ? Или хотя бы сделать так, чтобы на всех этажах было не хуже, чем на Верхних? С чего вообще люди взяли, что в древности всё было как на мозаиках?

Музыка сменилась. Новый исполнитель, мужчина подчёркнуто брутального вида пел в микрофон волчьим голосом:

– ...компост-батяня, батяня-компост, он целую роту загнал на погост...

– Антон, – заговорил Никита, – ну вот к тебе приставят ликвидатора с автоматом – ты что, от этого будешь лучше работать?

Антон воззрился на Никиту с каким-то огнём в глазах.

– А ко мне уже приставили, – зло бросил он в ответ. – Как видишь, работаю.

Четверг

По коридору шли навстречу сразу четыре ликвидатора, и Никита содрогнулся всем телом. В кармане у него лежит пачка денег – тысяча двести талонов, семьдесят бумажек разного достоинства. Если вдруг его остановят и начнут обыскивать, сразу возникнет вопрос: куда он столько несёт? И, собственно, всё...

Ладно бы ещё контролёры, но это действительно были ликвидаторы во всём обмундировании: камуфляжная форма бетонных цветов, противогазы на поясе, автоматы со складными прикладами. В руках один из мужчин сжимал непонятный агрегат, похожий на комбинацию отбойного молотка с пескоструем. Надо идти спокойно, надо идти спокойно... Вот почему у Никиты с собой сейчас нет бутылки этанола? Он мог бы её немедленно выпить, чтобы не вызывать никаких подозрений – ну идёт по коридору пьяный житель Гигахруща и идёт себе. А так... Разворачиваться нельзя: это сразу привлечёт внимание. Смотреть в глаза ликвидаторам тоже нельзя. Никиту трясёт так, что это наверняка заметно. Что же делать?

К счастью, ликвидаторы прошли мимо, даже не взглянув на него, как если бы Никиты и не существовало. Один из них даже ненароком задел его за плечо дулом автомата. Никита, сдержавшись, пошёл дальше, стараясь не убыстрять шаг. Страх прошёл только тогда, когда ему удалось добраться до поворота коридора и пройти мимо гермодвери с надписью БФ-6; за ней, судя по равномерно чавкающим звукам – словно что-то полужидкое неторопливо наматывали на сверло, – располагался производственный цех. Прямо напротив двери в стенной нише был приклеен очередной предписывающий плакат «Остерегайся каустической соды». Поднимаясь по очередной лестнице с выщербленными ступенями, Никита с ощущением собственной обречённости успел задуматься – почему же такого не пишут про ликвидаторов?

Георгий передал Никите четыре крыла на лестничной клетке промсектора ДТЛ, который располагался недалеко от управления У-51. На самом деле здесь не было каких-то важных производств или учреждений – так, гудящая трубами в стенах водонасосная станция и что-то давно заброшенное, с гермодверьми, заваренными много лет назад, – поэтому и прохожих здесь почти не встречалось. Воздух вокруг казался застоявшимся, чуть затхлым, но приятно прохладным: пахло извёсткой и плесенью.

– Прячь быстрее, – всё же не выдержал Георгий, когда Никита заглянул в газетный свёрток, отдающий холодом. – Что у вас такие талоны мелкие?

Никита проглотил недовольство. Эту пачку они собрали вчетвером из своих скудных запасов.

– Накопили, – резко ответил он.

Внизу раздались чересчур быстрые шаги, и двое конспираторов, переглянувшись, спешно направились в коридор. Редкие лампы неярко светились там под высоким

потолком, придавая полузаброшенному промблоку ДТЛ-59 безрадостный недружелюбный вид. В управлении У-51 как-то говорили, что здесь никогда нельзя ходить одному – мало ли что может произойти? Судя по странной двусмысленной интонации, начальство подразумевало отнюдь не встречу с выпившими хулиганами; тогда Никита не решился переспрашивать, зато сейчас вдруг осознал, что в этом пустом блоке никогда не собираются компании друзей, желающих расслабиться с бутылкой после тяжёлого рабочего дня. Он поёжился, отгоняя мрачные мысли: нет, если бы здесь было что-то плохое, то входы сюда обязательно бы забетонировали ликвидаторы, предварительно прочесав с огнемётами все закоулки...

Избавиться от этих дум не получилось: они продолжали слегка беспокоить Никиту, напоминая о своём существовании. Точно так же неприятно жёг его кожу холод промороженных крыльев, проникая через слой газеты и синтетическую ткань кармана.

– Слушай, – вдруг спросил Никита, – тебе не жалко твоих цыплят?

Георгий с удивлением посмотрел на него.

– Наверное, жалко, – ответил он. – Но если я их начну жалеть, то вернусь жить обратно в блок ОЗУ и буду с утра до вечера мешать хлореллу в цистернах. Только не говори мне, что если бы тебе предложили работу на птицемясокомбинате, ты бы отказался.

Никита задумался. Там в месяц наверняка платят больше, чем он на станции ЗЕА-61 получает за год.

– Нет, – невесело кивнул он, понимая, что такую работу ему не предложат никогда. – Не отказался бы.

– Ну вот и не спрашивай. Ты же не жалеешь свои овощи?

– Да нет, это... Это другое. Я ощущаю себя каким-то каннибалом. Один узник Гигахруща ест другого.

Георгий хмыкнул.

– Весь Гигахрущ радостно ест друг друга. Странно испытывать по этому поводу угрызения совести.

– Это не то чтобы совесть. – Никита задумался, как лучше облечь в слова ощущение, которое он испытывал от мороженых крыльев в кармане. – Я просто вдруг понял, что почти ничем не отличаюсь от предыдущих обладателей этих крыльев.

– Ты отличаешься тем, что несёшь их по коридору.

– Вот именно. Я отличаюсь от твоих бройлеров тем, что могу относительно свободно разгуливать по птицефабрике.

– По мясокомбинату, – поправил его Георгий, не лишённый тщеславия. – Ну, они у меня тоже довольно свободно разгуливают по загону – пока могут.

Никита и Георгий прошли мимо наклеенного в стенную нишу плаката «Брикеты – наше богатство». Нарисованный там улыбающийся розовощёкий мальчик собирал со стола крошки в ладонь. Где-то в жилом блоке это выглядело бы по-домашнему уютно, но здесь, в тускло освещённом пустом коридоре полузаброшенного промблока, плакат производил совсем другое впечатление: казалось, что глаза неестественно сытого мальчика смотрят прямо на прохожего. Никите стало не по себе.

– Я тут недавно беседовал с другом, – задумчиво продолжил он, стараясь не оглядываться на оставшийся за спиной плакат. – Он сейчас в коммблоке, но очень хорошо знает жизнь. Мы говорили с ним про Гигахрущ в сердце каждого из нас. А сейчас я внезапно подумал, что в жизни этих цыплят был только мясокомбинат – и только он мог оказаться в их сердце.

Георгий взглянул на него с любопытством. Примерно так бы он мог посмотреть на фокусника, что выступает в цирковом секторе.

– Никита, ты же умный человек. Чему тебя может научить люмпен из коммблока?

Они замолчали, увидев приближающиеся навстречу силуэты, но опасности не было: по коридору неторопливым шагом шли двое мужчин. Покрой их дорогих синих

лавсановых спорткостюмов и предмет их беседы явственно давали понять, что это неизвестно каким образом оказавшиеся здесь обитатели Верхних уровней.

– ...понимаете ли, мы живём в обществе потребления, где погоня за материальными благами, жажда наживы и стремление к демонстративному успеху заставляют людей терять человеческий облик...

– ...да, я более чем согласен с вашей оценкой. Несомненно, решение ввести универсальную талонно-карточную систему в ходе реформ было фундаментальной ошибкой. Это разрешённое мешанство, эта неистребимая тяга к низменному, к бытовому полностью лишает смысла человеческую жизнь...

Стремящийся к демонстративному успеху потребитель и жаждущий наживы продавец материальных благ, выраженных в форме четырёх куриных крыльев, прошли мимо, свернув за угол коридора. Шаги мужчин в лавсановых спорткостюмах затихли позади как-то чересчур быстро. Никита на всякий случай оглянулся, но за поворотом уже ничего не было видно.

– Твои бройлеры в своей жизни видят только мясокомбинат и тебя, – продолжил он, возвращаясь к беседе. – Для них естественно предположить, что мясокомбинат – это вселенная, а ты в ней нечто вроде демиурга.

– Никита, не преувеличивай. Курицы – довольно глупые создания.

На одной из стен в блеске далёкой лампы виднелась надпись «Все жилищечки – концлагеря»; это была цитата из старой песни времён неудавшегося самоуправления, когда ненадолго стало можно называть вещи своими именами. Белый бетон просвечивал сквозь царапины в многолетнем слое разноцветных красок, и это выглядело по-своему симпатично. Ниже размещался сделанный в такой же технике грубый рисунок, повторяющий обложку музыкального альбома: сапог, топчущий человеческое лицо. Никита мельком подумал, что вполне верно и обратное – все концлагеря при желании можно считать жилищечками. Он вдруг вспомнил детство. Эпоха самоуправления показалась ему не такой уж и плохой, как про неё сейчас было принято говорить. Конечно, с едой тогда возникали проблемы и по коридорам требовалось ходить осторожно, особенно ночью, – зато сапог на лице почти не ощущался, и его подошву не требовалось целовать с благоговением. Пожав плечами, Никита продолжил разговор:

– Ты видишь всё сверху. Для тебя это мясокомбинат, а для них – родина. Просто потому, что у них ничего нет, кроме загона. Ну и тебя, который сыплет им корм.

Георгий сдержанно улыбнулся, приподняв брови. Его лицо было преисполнено морального превосходства человека, который работает на спецпредприятии особого допуска, живёт на Верхних уровнях и питается настоящим мясом. Никите вдруг стало предельно ясно: Георгий настолько выше всех этих бесед, что ему даже не нужно вступать в подобные дискуссии и что-то доказывать.

– Мясокомбинат вполне может быть родиной, – всё-таки снизошёл Георгий до ответа. – Бройлеров даже не нужно в этом убеждать – полагаю, они приходят к этому умозаключению сами, пытаясь познать окружающий их мир. Но верно и обратное: родина может быть мясокомбинатом. Счастлив тот, кто это понимает.

– Не думаю, что это знание обрадует бройлеров.

– Я не сказал – радостен. Я сказал – счастлив. На мясокомбинате нет ничего, что могло бы обрадовать его обитателей, – прямо ответил Георгий. – Ну разве что горсть корма, которую я им кидаю. Можно пошутить, что они на это клюют.

Никита постарался представить цыплят, ждущих своей участи в загонах птицемясокомбината. Он от них, по сути, отличается только степенью самопознания. Интересно, на их месте он бы точно так же пытался понять законы и правила странного окружающего мира?

Впереди с потолка коридора свисала одинокая светодиодная лампочка – без плафона, один только чёрный цоколь на проводе. Лампочка едва заметно покачивалась, словно её шевелил сквозняк, но воздух в коридоре был неподвижен. Никита с

содроганием оглядел стены вокруг. Под слоями потрескавшейся краски виднелись плохо замазанные швы между бетонными плитами. Откуда-то пахло растворителем. Под ногами валялась старая пыльная ведомость на битумные окислители серии 652/58; на бумаге темнел полуосыпавшийся отпечаток чьей-то подошвы. Возможно, подумал Никита, этот след – всё, что осталось на свете от обладателя обуви.

– Тогда что бы ты посоветовал своим бройлерам, чтобы они стали умнее? – тихо спросил он.

Георгия позабавил этот вопрос.

– Что я могу посоветовать тем, кто живёт на мясокомбинате? Пусть хотя бы отдают себе отчёт, что они живут на мясокомбинате, а не на родине. Для них это уже будет огромным прогрессом. И пусть не думают, что я, хоть и кидаю им корм, нахожусь на их стороне; мы – разные биологические виды.

– А что же тогда считать родиной?

– Не знаю. Но уж точно не мясокомбинат.

Никита постарался осмыслить слова Георгия, когда тот продолжил:

– Кстати, ты удивишься, но некоторые это всё-таки понимают. Так, вчера куда-то сбежала пара цыплят, а моего коллегу даже клюнули в глаз...

– А те, кто не понимают? – зачем-то спросил Никита, хотя совершенно точно знал ответ.

Георгий недобро улыбнулся.

– Те, которые не понимают, лежат у тебя в кармане, завёрнутые в бумагу. Одних только крыльев мало – нужна ещё лётная погода.

Екатерина Алексеевна, администратор жилблока АД-125, ещё с самого утра повесила объявление о предстоящей противогрибковой обработке коридора: всем жильцам с 21.00 до 23.00 предписывалось запереться в ячейках и не выходить наружу. Для особо сомневающимся были выделены строки о штрафе в целых десять талонов согласно распоряжению АЗЛК/30 (это распоряжение Екатерина Алексеевна выдумала на ходу). Так что, когда Никита незадолго до урочного часа начал собираться, сосед Семён Михайлович посмотрел на него с удивлением.

– Никита, ты куда? Там же травить будут.

Легенда была придумана заранее.

– Срочно вызывают на работу – обработать семена для повышенной всхожести. Времени нет вообще, нужно спешить. Посадка скоро.

Никита ожидал, что после этих слов сосед с энтузиазмом вспомнит дни молодости, когда трудолюбивые жители Гигахруща считали великой честью поработать за себя и за того парня. Он ошибся.

– Что же это такое делают-то, – сочувственно вздохнул Семён Михайлович. – В ночь на работу выгоняют и ещё коридор ядом протравят. Совсем уже озверели, три шкуры с людей дерут. Одно им имя – реформаторы...

В коридоре, ярко освещённом лампами, было пусто. Что-то чуть слышно жужжало в распределительной коробке, выкрашенной серой краской. Никиту почему-то охватило пугающее предчувствие – наверное, так может выглядеть жилблок, поражённый Самосбором. Стараясь ступать как можно тише, он подошёл к ячейке номер один и слегка постучал по холодному железу гермодвери.

– Заходи, – скомандовала заведующая Екатерина Алексеевна. – Быстрее, чего стоишь?

Алексей из девятнадцатой уже был здесь. Николай, муж заведующей, сидел с ожидающим видом на роскошном продавленном диване – не иначе как с Верхних уровней выбросили. Вообще, каждый из четверых участников тайного ужина вложил в своих трёхсот талонов. Заведующая с мужем обеспечили конспирацию. Алексей, интеллигентного вида мужчина – по слухам, он работал где-то в КБ паровых котлов –

принёс со службы мощный кипятильник, чтобы сварить бульон. Никита, конечно, и здесь постарался больше всех: помимо четырёх крыльев он принёс две небольшие картофелины и выменял у коллег одну морковку.

– Может быть, стоило открыть электроплиту из кухни? – спросил он.

– Не стоило, – отрезала заведующая.

Было тихо. Екатерина Алексеевна готовила точными, вымеренными движениями – и откуда она всё это знает и умеет? Промыв четыре оттаявших крыла, она бросила их в закипевшую воду. Затем осторожными движениями, стараясь снять как можно меньше очисток, заведующая подготовила овощи и, нарубив кубиками, отправила их в бульон.

– Ждём, – коротко приказала она остальным.

По трепещущей поверхности воды потянулась пена; Екатерина Алексеевна собрала её ложкой. Никита принюхался. Он вспомнил, где и когда уже чуял этот запах: в одном из коридоров Верхних секторов.

В животе у Алексея что-то тихо заурчало.

– Может быть, добавить туда брикет супа? – воодушевлённо спросил он, безотрывно глядя на то, как в кастрюльке кипит вода. – Наваристее будет.

Екатерина Алексеевна гневно выдохнула.

– Не смей портить мой бульон всякой дрянью, – жёстко произнесла она.

Бульон разливали идеально поровну – даже квалифицированные рабочие металлообрабатывающих цехов не делят столь прецизионно этанол. Кусочков картошки оказалось нечётное количество, и один пришлось разрезать для ровного счёта.

Четверо заговорщиков ужинали в молчании. Было очень тихо. Казалось, что снаружи могут услышать даже звук ложки, опускаемой в бульон. Издалека, из кухни соседнего жилсектора, едва-едва пробивалась старинная песня:

– Гигахруц придуман не нами, – пела приятным голосом артистка, и её голос преодолевал слои бетона и десятки прошедших с записи лет, – Гигахруц придуман не мной...

Быть может, это и вправду был каннибализм – Никита первый раз в жизни неумело обглодал худенькое птичье крыло и запил обжигающим бульоном. Вкус мяса казался невероятным. Никита даже не мог себе представить, что еда может быть настолько хорошей.

Екатерина Алексеевна осторожно повернула куриное крыло и снова впилась в него зубами, чтобы не оставить на нём ни волокна. Затем сделала глоток горячего бульона.

– Я очень давно не ела мяса, – внезапно сказала она, глядя куда-то вперёд, в пространство.

Никите показалось, что в углу её глаза что-то блестит. У заведующей был такой вид, будто ей вспомнилось нечто очень дорогое и значимое – настолько дорогое и значимое, что она даже не хочет об этом вспоминать при всех.

А ведь действительно, Георгий не ошибся. Все обитатели Гигахруца едят друг друга. Вот теперь немного досталось и Никите. Он попробовал запретную пищу – крылья цыплят, которым не удалось улететь с мясокомбината. Теперь он знает её вкус, и считает, что это хорошо; ещё он помнит вкус брикетов, и знает, что это плохо. Всё познаётся в сравнении: что ещё есть в жизни, чего он не пробовал и чего он не узнает?

Пятница

Семён Михайлович утром шелестел газетой и вёл себя неожиданно шумно.

– Никита, – озадаченно спросил он, когда Никита встал с койки и пытался нащупать на полу тапки. – А чем это от тебя таким вкусным пахнет?

Сердце Никиты ухнуло. Где же это Семён Михайлович мог встретить куриный бульон в своей жизни? Какую бы легенду придумать спросонья?

– А чем это от меня пахнет? – переспросил он, демонстративно пригнувшись к футболке. – Я позавчера мылся, когда горячую воду давали...

Семён Михайлович опустил газету на колени; стал виден крупный заголовок «Как узнать, что ваш сосед завербован тоталитарной сектой?»

– Нет, нет. Чем-то... Я как будто помню такой запах... На мой день рождения мама вынесла еды из столового сектора, и я...

– Может быть, удобрение Иван-Роман шестьсот сорок пять? – самым равнодушным голосом, каким только мог, сказал Никита. – Я вчера его намешал литров тридцать...

...В коридоре жилблока зверствовал Николай Иванович, контролёр сектора АМД.

– Кто испортил настенный плакат? Светлана Тимофеевна, почему вы не следите за своими дочерьми?..

– Мои дети не могли такого сделать! – тщето оправдывалась жилица из ячейки 28.

– А кто тогда? Будете отпираться – я вас в коммблоки отправлю!

Скандальную новость Никита узнал тут же, зайдя в кухню-столовую: кто-то подрисовал ликвидатору на плакате длинные ресницы и обвёл ручкой губы. Плакат уже заклеили сверху новым, но об этой диверсии могли донести наверх, в администрацию, и контролёр Николай Иванович желал прикрыть собственные тылы...

...Овощной брикет неохотно расплзлся в кипятке. По телевизору показывали очередной старый фильм – на этот раз про инженера из КБ: отдыхая с друзьями в банно-прачечном секторе, тот перебрал этанола и, уехав не в том лифте, перепутал жилблок АБЗ-117 с точно так же жилблоком ЦБЗ-286. Открыв дверь чужой ячейки внезапно подошедшим ключом, инженер запустил целый каскад причудливых совпадений и событий, и даже увёл из семьи чужую жену. Этот фильм был полон гедонистической атмосферы отдыха, и его традиционно показывали по телевизору ближе к выходным. Вообще, этим утром в кухне-столовой был какой-то праздник тщеславия – Наталье из девятой жиличейки муж купил две сосиски категории Г, и теперь счастливая хозяйка варила их на единственной электроплитке, прикрученной к стене болтами. На запах лакомства собрались любопытствующие, радуя самолюбие Натальи.

– Вот всё-таки мой Саша правильно сделал, что пошёл работать контролёром, – важным тоном говорила она, поглядывая одним глазом на то, как в кипятке варятся вытянутые цилиндрики землистого цвета. Наверное, здесь было бы правильное сказать «повезло попасть в контролёры». – Охраняет вход в НИИ. На его зарплату можно каждый день питаться вот такими сосисками!

Это был явный укол в адрес Анастасии из пятнадцатой жиличейки: её муж работал в резинотехническом цехе, неумеренно пил и растрачивал на этанол чуть ли не весь семейный бюджет. Увы, не на всех в Гигахруще припасены высокооплачиваемые регулировочно-надзирательные должности!

Никита помешал в тарелке распустившийся овощной брикет. Всё это утро – шуршащий газетой сосед, злой контролёр, гордая мужем жена, старый добрый фильм на экране – всё было совершенно обычным, как всегда, но вот Никита, неизвестно почему, чувствовал себя как-то странно посреди такой обыденности. Ещё пару дней назад он мог бы позавидовать Наталье и её мужу; однако после вчерашнего ужина ему показалось, что та варит на завтрак нечистоты в уже начавшей коричневеть воде. Его собственная трапеза, впрочем, была не лучше. Давясь, он кое-как смог проглотить грязного цвета массу, которая обычно не вызывала подобных эмоций: захочешь есть, и не то прожужьшь. Никите стало страшно. Скорее всего, ему удастся купить следующее крыло разве что через год. Год он, конечно, без проблем проживёт на брикетах, как прожил всю предыдущую жизнь, но велик шанс, что за это время он утратит память о вкусе нормальной еды и снова приспособится питаться противной жижей, лежащей в тарелке перед ним.

Сегодня был последний рабочий день перед выходными, но радости отчего-то не чувствовалось. Никита закапывал в землю семена, ощущая, как мимо него тупо и бесполезно проходит жизнь. Раньше он почти не замечал этого – как, к примеру, не

обращал внимания на неприятный кислый вкус пищевых брикетов. Однако не только Никита в эту пятницу задумывался о смыслах бытия: после бесконечно длинной смены он в очередной раз встретил в коридоре связиста в комбинезоне. Связист был в состоянии лёгкого грустного опьянения.

– Желаете? – осведомился он, протягивая Никите бутылку с надписью «Электролит кислотный 3/62». – Нет-нет, не волнуйтесь, это служебный ректификат для протирки контактов. Я его сюда перелил, чтобы никто не заподозрил...

Никита не отказался: сегодняшний рабочий день успел его заметно измотать. Вопреки ожиданиям, ректификат оказался невероятно мягким – лёгкий, едва заметный привкус этанола слегка кольнул язык. Никогда раньше Никите не доводилось пробовать такого изумительного напитка – даже на Верхних уровнях, когда они отмечали окончание курсов. Ну точно как вчера с мясом. Удивительно, что бывает столь хорошая выпивка; но как же теперь ему пить обычный этанол, зная, что тот в подмётки не годится ректификату?

– Я сегодня читал Кайдановских, – продолжал связист, пока Никита сделал ещё один глоток ректификата, наслаждаясь тем, как нежная пелена опьянения окутывает рассудок, – ну, знаете, «Мы – дети галактики»...

Никите, как и любому мало-мальски культурному обитателю Гигахруща, разумеется, доводилось читать фантастику братьев Кайдановских. Написанные во времена древнего дореформенного оптимизма, их книги были полны моральных назиданий для сотрудников НИИ: авторы любили, свысока цокая языком, рассуждать на сложные интеллектуальные темы. Что, к примеру, произойдёт с обществом Гигахруща, если тунеядцев уравниют в правах с передовиками производства и начнут каждый день выдавать им карточки на этанол? Обладает ли обычный инженер КБ, переселённый в коммиблок, правом поучать тамошних обитателей, пытаясь возратить им человеческий облик, или же должен принять своё моральное поражение перед лицом простого народа?

– ...и вот я задумался. Вы ведь знаете, что на мозаиках Древние очень часто изображали космический полёт? И человека среди звёзд? Ну, вы понимаете, как его зовут...

– Краем уха слышал, – осторожно сказал Никита.

– Многие мозаики зачем-то были уничтожены, – продолжал связист. – Обратите внимание: со звёздами – сбиты, а все остальные – сохранены. Это объясняют заботой о нашей безопасности: чтобы мы считали, что снаружи Самосбор, а не, к примеру, вакуум. И, собственно... Вы знаете, что такое «корабль поколений»?

Что-то такое Никите доводилось встречать в книгах с вычеркнутыми именами авторов – такие издавали в вольные времена его детства.

– Корабль, который летит в бесконечной пустоте, – вдумчиво произнёс он, ощущая, как нежное опьянение окутывает его мозг: находясь в тесном бетонном коридоре с трубами, идущими под потолком, было очень трудно представить себе бесконечную пустоту. – Корабль, который летит так долго, что на нём вырастают и умирают люди – и где они забывают про цель пути. К примеру, они могут решить, что живут в гигантском бункере...

– Да, именно так, – воодушевлённо подтвердил связист, забирая бутылку обратно и делая глоток. – И вот что я подумал...

Он ещё раз глотнул ректификат и продолжил:

– Понимаете, проблема такого корабля в том, что смысл жизни есть только у первого поколения, которое добровольно взлетает в космос, и у последнего поколения, которое всё-таки долетает до цели. Но все промежуточные генерации рождаются, по сути, ни для чего. Только чтобы продолжить цепь жизни на корабле; только для того, чтобы кто-то когда-то долетел. Но не больше. Летучий инкубатор. Вы соображаете, к чему я клоню?..

Никита огляделся, ощущая, как голова слегка кружится. Ректификат действовал не хуже этанола. Мысль, что за бесконечными панельными стенами может скрываться бесконечная чёрная пустота, страшила настолько, что от неё хотелось биться головой о бетон. Да нет, не может такого быть.

– ...то есть смысл их жизни заключается в его принципиальном отсутствии, – говорил связист, временами переходя на присвистывающий шёпот.

А какая разница, что за стенами Гигахруща: космос? Открытое пространство? Или же у Гигахруща нет границ? Гораздо важнее то, что по эту сторону панельных стен с промазанными цементом швами.

– Вернее, даже так, – продолжал собеседник Никиты, – жизнь не будет бессмысленной, если у жизни в принципе нет смысла...

Дважды коротко взревела сирена вдалеке и смолкла. Сердце Никиты рванулось в груди. Связист едва не выронил бутылку. Снова дважды коротко взревела сирена.

– Вот и смысл жизни, – коротко бросил Никита. – Выжить.

– Но разве это жизнь?.. – вдруг произнёс связист.

Они ускорили шаг. Двойной короткий сигнал с длинной паузой – это значит, что где-то далеко, где-то очень далеко идёт Самосбор. Опасности пока нет – но все уполномоченные лица должны занять свои места около гермодверей, чтобы перекрыть их, если вдруг рёв сирены станет безостановочным. Опасности нет – но где-то она есть, и все прохожие должны поскорее направиться к своим жилищам.

В мгновения перерыва, когда звуки их шагов разносились по коридору, отдаваясь далёким эхом, Никите показалось, что он может разобрать, пусть и на грани слышимости, длинные автоматные очереди. Он содрогнулся.

– Быстро, быстро проходим! – крикнул на них контролёр у гермодвери лифто-лестничного блока. Никита посмотрел на связиста.

– Пожалуй, сейчас лучше по лестнице...

...Новость о том, что Самосбор прорвался в производственно-жилой блок ЛТП-798, облетела Гигахрущ ещё до того, как страшную весть передали по телевизору.

– По предварительной версии, причиной трагедии стала халатность. Было нарушено уплотнение вентиляционных фильтров... – торопливо говорил ведущий, одетый в камуфляжный пиджак.

В кухне-столовой собрались почти все обитатели жилблока АМД-125 – Никита стоял у двери, глядя поверх голов.

– А люди? – выдохнула Ксения Павловна из девятой ячейки.

– ...прибывшие ликвидаторы были вынуждены действовать по протоколу Анна-шесть...

Все присутствующие вздохнули. Протокол А-6 означал полную зачистку поражённой территории – как говорил Антон из шестой жилищной, «стреляют во всё, что движется, а всё, что не движется, двигают и стреляют».

– ...принятые меры позволили ограничить последствия Аномального Явления...

Семён Михайлович, бледный и ссутулившийся, прижал ладонь к лицу.

– У меня внук в том секторе, – пробормотал он едва слышно. – Только блок другой – семьсот восьмидесятый...

Картинка на экране сменилась. Ликвидатор с неразличимым лицом – камера снимала против света – пояснял:

– Отработанные действия подразделений ликвидации позволили снизить число жертв до минимума...

В переводе это означало, что в блоке ЛТП-798 не осталось ни одной живой души.

– Надо фильтры проверить! – горячо шептал Антон из шестой жилищной. – Екатерина Алексеевна, пустите меня в вентилячку, я посмотрю!

– Сидеть! – таким же шёпотом, глядя одним глазом в телевизор, отвечала заведующая. – Ждём уполномоченных, а то оштрафуют за срыв пломб.

– Да какие пломбы! Если там фильтры повреждены, нас первый же Самосбор пожрёт!

– Так, отставить мне тут панику! А то быстро в коммиблок поедешь!..

Суббота

Всю субботу Гигахрущ перебирали с первого до последнего этажа. Таких катастроф – чтобы Самосбор поразил не отдельную жилищечку, не заплутавшего в коридорах одинокого путника, что не успел добежать до укрытия, но целый жилблок – таких катастроф не было очень давно. Утром появившийся невесть откуда мужчина властного вида сделал выговор заведующей Екатерине Алексеевне прямо посреди коридора:

– Почему планы эвакуации закреплены не по регламенту? Перевесить сейчас же! А где отчёт об уплотнении гермодверей? Что за бардак вы тут развели?!

Никита торопливо просочился мимо них в кухню-столовую: строгий гость посмотрел на него с отвращением. Видимо, жильцы блока АМД-125 не совсем считались за людей, и критиковать руководство можно было прямо в их присутствии: Никиту порой тоже ругали прямо возле ящиков с растущим картофелем.

– Проходим, не мешаем работе, – наконец процедил визитёр.

После скорого завтрака (брикет снова оказался тошнотворным) Никите пришлось отправляться в теплицу, несмотря на выходной, и несколько часов ждать проверяющих. Появившиеся трое мужчин в комбинезонах долго осматривали гермодверь и решётки вентиляционных каналов. Ещё один человек в костюме, но без галстука, торопливо заполнял страницы журнала. По случаю прихода высокого начальства в теплице включили белый свет.

– Вентканалы прочищаются регулярно? Фильтры в порядке? – уточнял главный проверяющий, проходя коридорами теплицы. – На предмет трещин в бетоне проверяешь? Помни, что твоя теплица находится довольно низко. Может быть, Самосбор уже скапливается под полом, чтобы прорваться через стыки плит?

Заглянув в диспетчерскую, главный проверяющий скептически оглядел висящий в нише плакат с лесом, но ничего не сказал. Затем он неожиданно быстро приоткрыл дверцу стеллажа, где в дальнем углу светилась серебристая звёздочка спрятанного эдельвейса. Проверяющий недовольно хмыкнул.

– Вот этого не положено, – распорядился он, закрывая дверцу. – В замечаниях я писать не стану, но завтра его здесь не должно быть.

Это следовало считать сказочным везением. Видимо, проверяющий рассудил, что если простой работник держит в теплице эдельвейс, то это уже не простой работник – и ещё неизвестно, для кого он выращивает такой цветок. Теперь есть шанс спрятать растение у себя в жилищечке... если, конечно, об эдельвейсе не доложит сосед.

– Вот эти документы несём в управление, – приказал проверяющий, подписав несколько бумаг.

В управлении ПЯ-74 было закрыто, и Никите пришлось долго стоять у двери, дожидаясь Андрея Александровича, – судя по его недовольному виду и суетливым движениям, даже начальству сегодня пришлось несладко. Потом возле порога пришлось провести ещё минут двадцать.

– Никита, эти акты надо срочно передать в У-51, – наконец распорядился заведующий, складывая бумаги в папку. Связав тесёмки, он залил их сургучом и прижал сверху печать. – Лично Михаилу Порфирьевичу. Что за день, какой-то дурдом...

Идти в У-51 пришлось пешком через промышленные секторы, где царил такой же беспорядок: ругань неизвестного бригадира, перемежаемая грохотом перфораторов, разносилась сразу на два этажа. Стоящий наготове контролёр перенаправил Никиту на другой путь:

– Обход через верхний этаж! Проходим, не задерживаемся!

Никита не хотел быть задержанным и послушно проследовал на этаж выше. На подходе к нужному блоку у него проверили документы. Контролёр долго придирался к записям, и только ведомственная папка для бумаг позволила Никите миновать пункт пропуска, хотя его было бы точнее назвать пунктом непропуска. В длинном, плохо освещённом коридоре шипели газовые резаки и пахло горелым металлом: группа ремонтников что-то чинила в воздухонасосной подстанции. Рядом возле открытой дверцы стояли сразу два огромных воздушных фильтра, каждый на десяток кубометров в секунду.

– Работаем быстрее! – ругался какой-то мужчина грозного вида. – А то всем премию срежу!

Хотелось вернуться домой, отоварить карточку на этанол и испить бутылку до дна. Никита вдруг вспомнил, что начатый брикет синтповидла лежит в шкафчике и ждёт своего часа. Сдав документы в У-51 – Михаила Порфирьевича не было, а секретарша совершенно несправедливо сделала ему выговор по поводу ошибочно оформленной описи, – он вышел, держась рукой за бетонную, выкрашенную жёлтой краской стену коридора. Подниматься пешком пять этажей до коридора, где работали сварщики, не хотелось, и Никита нажал кнопку вызова лифта. Какой тяжёлый день, какой же ужасно тяжёлый день.

– ...кем мы только управляем, – жаловался своему спутнику вышедший из лифта мужчина руководящего вида. – Люди совершенно не понимают хорошего отношения. Я завидую ликвидаторам. Дайте мне полномочия расстреливать – и через неделю весь гидролизный цех будет работать как часы, а не права качать...

Дав дорогу двум руководителям, Никита прошмыгнул в лифт и нажал кнопку нужного этажа. Двери схлопнулись, и где-то наверху зажужжал мотор. Почти одновременно с этим снаружи взвыла аварийная сирена – взвыла и не замолкла, сообщая всем, что Самосбор на подходе. Никита с какой-то обречённостью ударил по большой аварийной ручке «срочный выход». Уж лучше бы оборвался лифтовый трос. Так хоть был бы шанс.

Ручка срочного выхода не сработала, и лифт долго, безумно долго ехал вверх все пять этажей. Лязганье механизмов даже заглушало предупреждающий вой сирен. За это время Никита успел вспомнить всю свою жизнь. Как и следовало ожидать, гермодвери на площадке уже были закрыты. Безостановочно вопила сирена над головой: Никита находится прямо в зоне Самосбора.

Он бросился бежать по длинному коридору, где всего полчаса назад рабочие чинили воздухонасосную подстанцию, но тщетно: гермодверь соседнего отсека наглухо отрезала путь к спасению – хотя с таким же успехом она могла и преграждать путь страшному фиолетовому туману, несущему гибель.

Мыслей в голове не было – точнее, они казались поверхностными, плывущими по сознанию, как опавшие листья по воде в цистерне полива. Шанс выжить есть, шанс выжить есть, все коридоры наглухо перегорожены, и если сработали гермозаглушки вентиляции, то, возможно, Самосбор и не дойдёт до него...

Без долгих размышлений Никита нырнул за дверцу недоремонтированной воздухонасосной подстанции, оглядываясь – вдруг где-то в углу завалился штатный противогаз. Здесь было тесно и темно, точно в стенном шкафу. Тихо гудели механизмы вентиляционных насосов. Их вибрация, скорее, воспринималась кожей, но не ушами – настолько громко ревела сирена. Никита осторожно потянул дверь, прикрывая её за собой. Широкая полоса гермоуплотнения уже была снята с неё, но рабочие не успели поставить взамен неё новую. Возможно, их нерасторопность сейчас будет стоить Никите жизни.

Никита вдруг вспомнил, что так и не успел поставить стакан с эдельвейсом обратно в теплицу. Если повезёт, цветок заберёт себе заведующий Андрей Александрович. Если не повезёт, растение погибнет в темноте стеллажного ящика. Прямо как Никита сейчас.

Непрерывный вой сирены прекратился, сменившись короткими вскриками с трёхсекундным интервалом: Самосбор закончен, но ликвидаторы ещё не прибыли. Всем оставаться на своих местах. Шансы выжить повышаются. Сегодня в жизни Никиты произошло маленькое чудо. Казалось, что в сантиметре от него упала бетонная плита. Он прижался к стене, стараясь не дышать.

Где-то вдалеке раскрылись двери шахты лифта – другой, не той, в которой так опасно задержался Никита. Раздались шаги: шло человек пять. Совсем близко. Ликвидаторы? Или такие же собратья по несчастью, застрявшие в коридорах?

Какое-то предчувствие подсказало Никите, что пока не стоит выходить наружу. Если это действительно ликвидаторы, вдруг они подумают, что он поражен Самосбором, и откроют огонь на поражение? Никита даже не успеет им объяснить, что всё в порядке...

– Крюк, сюда побрызгай.

Совсем невдалеке раздалось шипение.

– Да брызгай нормально, не жалея.

Шипение продлилось дольше. Никита с ужасом ощутил, как до него доносится слабый запах, напоминающий о размороженных куриных крыльях. Самосбор? Но почему нет тумана?

– Совсем обнаглели, варят какую-то дрянь, – сказал другой голос. – Запаха нет вообще. Раньше одного пшика на целый этаж хватало, а теперь льёшь-льёшь, и ничего.

– Довольствие им снизить надо, вмиг всё сделают.

Никита очень осторожно, не дыша, чуть сместился в своём убежище – так, чтобы видеть коридор через не до конца прикрытую дверь.

В дальнем его конце, там, где находилась лестничная клетка и лифтовые шахты, стояло несколько ликвидаторов. Сейчас они вовсе не выглядели, как обычно, суровыми, беспощадными мужчинами, скорее, весёлой компанией друзей, возвращающихся домой после работы.

Один из ликвидаторов ещё раз брызнул на стену струёй чёрной жидкости из агрегата, похожего на пескоструй. Маслянистая жидкость уже сползала на пол, растекаясь лужицей. Запах сырого мяса стал сильнее. Второй ликвидатор, подняв автомат, несколько раз выстрелил вдалёк, в пустоту коридора. Никита вжался: вдруг одна из пуль попадёт в него? Гильзы прозвенели по полу.

– А вы слышали? Гвоздь из восемнадцатого взвода сегодня по ошибке зарядил автомат боевыми патронами и попал рикошетом от бетона себе в лоб!

– Гвоздь? Так он же вчера был...

– Где был, там уже нет! Разговорчики! Ещё очередь!

Автомат снова протрещал двумя короткими очередями – как раз в паузе между сигналами сирены. Никита весь обратился в слух.

– Так, здесь хватит. Перемещаемся к вз-а-и двести-сорок-четыре, там через тридцать минут объявят Самосбор. Крюк, ещё брызни в том конце коридора.

Никита старался не дышать, когда по коридору буквально в метре от него простучали сапоги ликвидатора. То, что он сейчас слышит – это гарантированный расстрел на месте. Снова раздалось шипение, и по стене сползла новая полоса чёрной жидкости.

По коридору тяжело прошагал ещё кто-то, судя по голосу, тот, кто отдавал приказы.

– Слушай сюда, Крюк, – негромко сказал он. Двое ликвидаторов стояли совсем недалеко. Никита почувствовал запах горелого пороха, машинного масла и немытого человеческого тела; ему это показалось запахом смерти. – Этого разговора не было, и не будет, и ты о нём сейчас забудешь. Я говорю только потому, что знаю тебя пять лет, и ты

меня в дэ-эр-а-семьдесят-девять выручил. Короче, про Гвоздя ты уже слышал. Костыль сегодня днём свалился в лифтовую шахту. Ящер ночью отравился этанолом. Я не знаю, что у вас было вчера в семьсот девяносто восьмом, и знать не хочу...

– Крысобой, там был приказ...

– Молчать! Я сказал: не знаю, знать не хочу, и знать не буду!

Стало очень-очень тихо. Один раз взвыла сирена, и вновь наступила тишина. Никите почудилось, что он слышит дыхание двоих ликвидаторов в коридоре.

– Береги себя, Крюк. Это всё, – сказал главный.

Никита ждал. Ждал и Крюк: когда стук командирских сапог затих вдалеке, он с горечью наподдал одному из стоящих в коридоре фильтров.

– Ааааа! – выкрикнул он, перебивая голосом даже сирену.

Догнав катящийся фильтр – теперь Никита мог хорошо видеть Крюка через щель не до конца прикрытой двери, – ликвидатор с размаху ударил его ногой, проминая тонкий жестяной корпус. Выплеснув первую волну ярости, он чуть сосредоточился и начал молиться, резко вздёргивая руку возле лица. Лёня, уволенный из Агропрома, был прав – ликвидаторы верили в Славу КПСС больше остальных. Таких сложных, продуманных заклинаний Никита ещё не слышал ни разу.

– Слава КПСС, вышедший на крышу и вернувшийся к нам, – исступлённо бормотал Крюк, снова и снова делая жест, точно открывая забрало скафандра, – глядевший на небо и Самосбора не видевший, да придёт за нами твоё ОГПУ, дай нам порядка и избавь нас от ГКЧП...

Ликвидатор не договорил свою молитву. Вместо этого он, сорвавшись, снова начал топтать ногами фильтр.

– Слава КПСС, – воззвал он, подняв голову к бетонному потолку, – я не хотел их убивать. Ну пойми, мне же дали приказ. За что ты так со мной? Мы должны были их ликвидировать. Это же утечка информации. Если в Гигахруще узнают, что Самосбора уже давно нет, то они просто перестанут нам подчиняться и поубивают друг друга в первый же день. Слава КПСС, неужели тебе жалко всего лишь какой-то жилсектор? Это же только для того, чтобы порядок был! И дисциплина! Хочешь, я ради тебя в одиночку сегодня же два таких перестреляю? Только не трогай меня, я не хочу. Не хочу! Не хочу!

Сорвав с плеча автомат и рывком разложив рамочный приклад, ликвидатор ударил им по тому же многострадальному фильтру так сильно, что у прибора треснул уже основательно промятый корпус.

– Слава КПСС, – продолжал бормотать он, удаляясь к лифтовым шахтам. – Защити меня от своих же. Они ведь меня просто грохнут...

Лязгнула вдалеке дверь лифта. Над головой пять раз коротко взвыла сирена – и в коридоре воцарилась тишина. Ликвидация последствий Самосбора завершена. Отбой.

Ночь на воскресенье

Никита сидел в диспетчерской, обхватив голову. Чай в кружке давно остыл. Теперь, когда его вновь вызвали внеурочно на работу, чтобы устранить все замечания комиссии, он выглядел так, что даже Андрей Александрович, человек жёсткий, предпочитающий директивные методы, спросил:

– Никита, у тебя всё хорошо?

Он тогда что-то промямлил в ответ и даже на всякий случай, чтобы избежать подозрений, торопливо показал не-чёрный язык – нет-нет, этим вечером он не попал под Самосбор, а успел укрыться в коридоре ближайшего жилсектора. Да-да, просто вчера перебрал этанола со знакомым связистом, сегодня не выспался, съел на завтрак некачественный брикет, да и страшно очень – второй Самосбор за неделю. И сама неделя

выдалась сложная – работа, сдача урожая, комиссия, которая придралась к неровности ящиков на стеллажах...

– Отдохни завтра и в понедельник не приходи. Даю отгул, – коротко приказал Андрей Александрович, выдавая ему из премиального фонда карточку на этанол. – Вот, держи. Только сегодня доделай эти пункты, ладно? Время сейчас какое-то сумасшедшее.

Если бы Никита, спустившись в свои чертоги фиолетового света, принялся работать с былым энтузиазмом, он бы уже освободился. Замечаний комиссии в списке имелось не столь уж и много – так, дежурные придирки, чтобы показать, кто здесь главный. Чистота воды в баке, несколько непрополотых сорняков, беспорядок в диспетчерской... Но не было сил что-либо делать. Откровение в коридоре с голубыми, выкрашенными масляной краской стенами, не то чтобы вышибло Никиту из колеи – скорее, оно вышибло колею из Никиты.

Самосбора нет. Есть лишь автоматы ликвидаторов. Всё, чему его учили ради спасения его жизни, – неправда. Сонм правил, предрассудков и примет – ложь. Жители Гигахруща выдумали Славу КПСС, чтобы получить надежду на спасение; ликвидаторы придумали Самосбор, чтобы получить право на власть. Корабль поколений никуда не летит. Но это знание – ключ без возможности передачи. Если Никита кому-то это скажет, то сначала ему никто не поверит. А потом этот кто-то наверняка донесёт, и повторится судьба блока ЛТП-798: расстреляют всех, имея полное на то право. Потому что если ликвидаторы не сделают этого, то никто больше не будет им подчиняться.

Перед Никитой в стакане чуть покачивалась серебристая звёздочка эдельвейса. Никита с грустью посмотрел на неё. Допустим, удастся договориться с соседом и спрятать запретный цветок дома, хотя, конечно, никакой веры Семёну Михайловичу нет – тот донесёт, радуясь своей законопослушности. Что дальше?

Ещё один пункт замечаний требовал обновить стенную нишу – вместо вольнодумственного вида на лесную рощу с кусочками неба следовало разместить ведомственную агитацию, предписывающую экономить поливочную воду. Плакат с пейзажем было жаль.

Зачем он вообще крепил плакат, используя клей? От сырости можно спасти бумагу и иначе. Или потому, что это предписывает традиция – чтобы никто не украл? В компостный бак такие традиции. И вообще, пейзаж слишком красивый, и Никита его заклеивать не будет. Это немногое, что у него есть. Мало что ему под силу – но он хотя бы может не заклеивать плакат с видом на лесную рощу. Один раз в жизни он не выполнит чужой приказ. Один раз в жизни он сделает то, что хочет сам.

Снова пропали все мысли. Не особенно соображая, что делает, словно находясь во сне, Никита взял со стеллажа садовую лопатку и попробовал поддеть угол плаката. Это удалось с трудом: металл лопатки вошёл куда-то между слоями бумаги, так что, когда Никита потянул, начал отрываться целый пласт проклеенного папье-маше, скопившегося здесь за многие годы. Из ниши будто вывалилась целая доска с нарисованной на ней рощей.

Обнажившийся плакат – а в стенную нишу, судя по всему, плакаты клеились десятилетиями – был очень старым. «В пору урожая – работай сверхурочно», гласила надпись. Бумага здесь расслоилась, и от древнего агронома остались только две руки, протянувшиеся к тепличным зарослям.

Никита вдруг заметил с удивлением, что ниша глубже, чем кажется – не сантиметр, и даже не два. Он вонзил лопатку между краем бумажного слоя и бетоном стены, и та ушла вглубь сантиметров на десять.

Слой скопившихся плакатов был так велик и прочен, что поддеть его за один раз не представлялось возможным – Никите пришлось долго выламывать его тяпкой, используя секатор как опору для рычага. Он не сразу понял, что скрывается под удалённым напластованием истории, тем более что последние газеты намертво прилипли к поверхности и никак не отделялись. Да, в самой глубине стенной ниши под безумно

старым плакатом «Уплотняй гермодверь асбестовой верёвкой» обнаружили ещё более древние, пропитанные клеем полуразорванные газеты. Никита смог разобрать разве что набранные старинным шрифтом строчки «команда глубокого бурения доведёт скважину СГ-3 до рекордной глубины» и опечатку в большом заголовке «водители наших партий собрались для торжественного празднования дна всеобщего тоталитаризма...», но не больше – да ещё на размазанной, нечёткой фотографии какой-то усатый дедушка в фуражке приветствовал с трибуны сухонькой ручкой парад таких же дедушек. В тех местах, где садовый инструмент прорвал бумагу, чернело стекло. По периметру вокруг газет шла деревянная рама с двумя шпингалетами: один сверху, другой снизу.

Никита отступил на шаг, ещё не до конца понимая, что находится перед ним. То есть он понимал, что это самое настоящее окно, заклеенное газетами, но эта мысль представлялась ещё более абсурдной, чем идея о том, что Самосбора не существует. Что будет дальше? С той стороны через стекло ему из темноты улыбнётся пролетающий Слава КПСС?

Шпингалеты окна были намертво покрашены, и их пришлось поворачивать и оттягивать, используя всё тот же секатор в качестве рычага. Рама открылась так же неохотно, хрустя слоями масляной краски. Вниз на пол посыпалась какая-то труха и мелкий мусор. Никита осторожно выглянул наружу.

Снаружи было темно. Никита не сразу понял, что это ночь – когда вроде бы света нет, но в то же время в бесконечности сверху горят точки звёзд – а справа, за стоящей неподалёку тёмной громадой здания находится что-то яркое, заливающее своими лучами всё пространство впереди. Казалось невероятным, что здесь нет низкого, нависающего над головой потолка; что над головой теперь только безгранично высокое небо.

Слева и наверху на вершине другого гигантского здания светилось раскрытое окно. Никита успел даже разглядеть силуэт человека, прежде чем тот, видимо, заметив в свою очередь Никиту, торопливо захлопнул створки и погасил лампу. Вероятно, это был такой же обыватель, внезапно обнаруживший окно в стене – здесь Никита вспомнил, что в его ячейке тоже есть ниша, заполненная слоями плакатов. Впрочем, с такой же, если не куда большей вероятностью это мог быть кто-то из Главсектора, столкнувшийся с тем, что на нижних уровнях люди тоже могут самоуправно раскрыть для себя секреты Гигахруща. Никита бросил взгляд вниз.

К счастью, здесь было невысоко – наверное, второй-третий этаж – и, к счастью, рядом с окном проходила насквозь ржавая пожарная лестница. Перед тем как вернуться в теплицу, Никита ещё раз вдохнул полной грудью воздух наружной Вселенной.

В теплице всем телом ощущалась влажность. Только сейчас, вернувшись в свой привычный мир, Никита понял, что внутри Гигахруща, в общем-то, нечем дышать, а воздух несёт в себе одновременно затхлость, сырость и всепроникающее гнилое зловоние. С каким-то отвращением дёрнув ноздрями, Никита огляделся.

Он не знал, сколько у него есть времени. Что если к нему уже выдвигается оперативный отряд ликвидаторов, вызванный неизвестным с верхних этажей? Никита с какой-то обречённостью понял, что рисковать нельзя, и в худшем случае – а хороших случаев в Гигахруще не бывает – у него вряд ли есть больше минуты.

За несколько секунд, что он оглядывался внутри диспетчерской, Никита понял, что ему, собственно, нет никакой нужды возвращаться в жилищечку. Скорее всего, там, снаружи, не понадобится ни одна из вещей, лежащих в его шкафчике – ни зарплатная книжка строгого учёта, ни карточки на этанол, ни даже початый брикет синтповидла. То же самое можно было сказать про все пласты жизненного опыта, наклеенные на Никиту, точно плакаты на окно – про умение угадывать настроение начальника по движению бровей, про способность вежливо склонять голову перед заведующей жилблоком и, разумеется, про навык бесконечно подчиняться. Единственное, что могло пригодиться – опыт работы с растущей жизнью. И ещё эдельвейс. Вот плакат, к сожалению, придётся оставить.

Торопливо закинув стакан с цветком в карман куртки, Никита выглянул в теплицу, прислушиваясь, не вскрывают ли появившиеся ликвидаторы гермодверь теплицы? Но всё было тихо.

Никита вдруг понял, что даже плакат с изображением леса не заслуживает того, чтобы оставаться в Гигахруще. Он выбросил проклеенный, твёрдый лист наружу, и тот спланировал вниз и вбок. Проследив за улетающим в темноту плакатом, Никита поймал себя на том, что ему заодно хочется выбросить на свободу всё, что он недавно посадил в ящики с землёй – но времени на это уже совершенно не хватало. Он забрался на подоконник и, осторожно схватившись за ржавое железо пожарной лестницы, начал спуск. Лестница обрывалась, не доходя до земли, и Никите пришлось спрыгнуть в какие-то изрядно разросшиеся заросли; к счастью, шипов или колючек здесь не было. Проминая путь при зыбком розовом свете, падающем из окна, Никита подхватил под мышку плакат и выбрался на открытое место, обогнув бетонный угол высокого соседнего здания.

Вероятно, здесь заканчивался Гигахрущ. Странное ночное светило – такого Никита не видел даже на картинках – заливало всё вокруг своим белым, чуть призрачным сиянием. Откуда-то из бездн подсознания поднялось, пришло на ум слово «луна», хотя Никита мог поклясться, что никогда не слышал и не читал этого названия раньше.

Со стороны Гигахрущ выглядел совсем не так монолитно, как это казалось изнутри. Вдаль уходили бесчисленные корпуса высоких, похожих на каменные свечи зданий. В хаотичном порядке их этажи там и здесь соединяли короткие галереи. Какие-то здания, как то, где размещалась оставленная Никитой теплица, наоборот, были низкими – не более пяти этажей, но длинными и расположенными зигзагами. Гнетущая бесконечность уходящих вдаль бетонных параллелепипедов, залитых белым холодным светом луны, наводила ужас и неизбывную тоску. Чуть поблёскивали слепые окна, заклеенные изнутри многолетними слоями бумаги. Из прохудившихся швов между плитами выглядывали железные прутья арматуры, подобные рёбрам исполинского древнего зверя, могучего дракона, пожравшего в незапамятные времена своих пленников – да и окаменевшего в попытке их переварить. Никите вдруг показалось, что стены Гигахруща держатся только чудом, за счёт цемента и плакатов, которыми они облеплены с внутренних сторон, и ему стало жутко.

Никита сделал ещё несколько шагов вперёд, выходя на освещённый луною простор. Видимо, когда-то здесь была детская площадка. Ржавый, сделанный из металлических прутьев каркас ракеты стремился вверх; но мотки такой же ржавой колючей проволоки притягивали его к земле – они уходили вдаль, словно вегетативные побеги бобовых растений. Говоря по правде, ракета могла бы с лёгкостью разорвать давно сгнившие железные путы, но и точно так же сама рассыпаться в прах через секунду. Никита оглянулся. С гигантской стены последнего здания – этажей двадцать, не меньше – на него с широкой, доброй улыбкой смотрел сам Слава КПСС.

Не чувствуя своей руки, Никита неумело сделал крамольный жест, точно откидывал забрало шлема. Слава КПСС был точно таким же, что и на тех блеклых карандашных набросках, что ему доводилось видеть. Невероятной красоты гигантская мозаика, залитая лунным светом, чуть поблёскивала. Герой, одетый в космический скафандр, свободно летел среди звёзд; казалось, что у мозаики нет краёв, и она переходит в ночное небо. *Он* улыбался Никите – улыбкой человека, который вышел из Гигахруща, открыв для себя весь мир, улыбкой человека, которому теперь не страшны ликвидаторы, контролёры и заведующие. Никита несмело попытался улыбнуться в ответ: мускулы лица, точно одеревеневшие, с трудом приподняли уголки рта. Что-то подобное мог бы испытать человек, который впервые учится ходить. Вслед за этим Никита осторожно распрямил спину, отводя лопатки назад. Только сейчас вместе с неуклюжими движениями мышц он ощутил и странное, доселе не знакомое ему чувство безопасности – вдруг исчез бесконечный, сопровождавший Никиту всю жизнь страх перед тем, что его схватят и потащат, избивая ногами.

Никита ещё раз взгляделся в Его облик. Здесь, на гигантской мозаике были видны детали, которые обычно упускали художники Гигахруща: так, позади Славы КПСС летела ракета, оставляя за собой белый след. Точно такая же светящаяся полоса протянулась через звёздное небо над головой Никиты, будто кто-то проложил в бесконечной дали гигантскую светодиодную ленту. С борта мозаичной ракеты осыпались кусочки смальты, но Никита смог разглядеть буквы ВСТК – вероятно, ещё один могущественный тетраграмматон. В самом низу дерева закрывали надпись «Юрий ...», и Никита в глубине души даже удивился. В Гигахруще ничего не называют настоящими именами – даже Слава КПСС на самом деле Юрий ВСТК.

Что-то едва слышно завывало вдалеке – возможно, в одном из блоков Гигахруща сработали сирены, предупреждая о несуществующем Самосборе. Никита бросил взгляд на бетонного монстра, который всю жизнь был для него целым миром. Там, позади, в узком проходе между двумя гигантскими домами горело розовым светом окно навсегда покинутой диспетчерской. Никита с лёгкой, едва ощутимой грустью посмотрел на него, зачем-то подняв руку на прощание – точно так же была воздета рука у Юрия ВСТК. Затем, подняв глаза к небу, он сумел разглядеть ещё две маленькие надписи над Его портретом:

ГЕРОЯМ СОВЕТСКОГО КОСМОСА

и

105 ЛЕТ СССР

Наверное, эти древние письма тоже что-то значили. Жаль, что Лёня, который мог бы объяснить их тайный смысл, вряд ли когда-либо сможет их увидеть – если, конечно, не попытается сорвать слой агитационных плакатов в комнате своего коммблока. Он был прав: только богочеловек может вернуться в Гигахрущ, оказавшись за его пределами. Хотя бы потому, что пожарная лестница не доходит до земли.

Ещё раз оглянувшись напоследок, Никита снова улыбнулся Юрию ВСТК: на этот раз улыбка получилась почти как у Него. Затем он перешагнул колючую проволоку и, осторожно ступая по сырой от росы траве, направился вперёд – туда, где на горизонте уже начинало светлеть предрассветное летнее небо.